

СКАЗКИ

ПРОФЕССОРА

ТОПЕЛИУСА

Сказки

Э. Тонеліуса

Профессора Александровскаго университета
въ Гельсингфорсѣ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ШВЕДСКАГО

М. Гранстремъ и А. Гурьевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича,

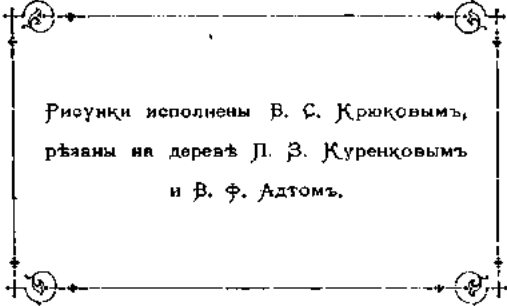
В. Р., 2 л., 7.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Двѣ сосны :	1
Маленькій Ларсѣ	18
Празднованіе Рождества у Трольдовъ .	33
Канунъ Иванова дня	47
Солнечный лучъ въ Ноябрь .	59
Дѣти Солнца	70
Война Солнца:	78
Конькобѣжецъ:	84
Береза и звѣздочка	92

Рисунки исполнены В. С. Крюковымъ,
рѣзаны на деревѣ Л. Б. Куренковымъ
и В. Ф. Адтомъ.

ДВѢ СОСНЫ.

Зимняя сказка.

Въ большомъ лѣсу, далеко въ пустыняхъ Финляндіи, росли рядомъ двѣ громадныя сосны. Онѣ были такъ стары, такъ стары, что никто даже и не запомнить, когда онѣ были молодыми. Издалека можно было видѣть ихъ темныя верхушки, которыя высоко поднимались надъ всѣмъ окружающимъ лѣсомъ. Весною въ вѣтвяхъ этихъ сосенъ дрозды распѣвали свои нѣжныя пѣсни, а маленькіе блѣдно-розовые цвѣты вереска поглядывали вверхъ на нихъ съ такимъ смиреніемъ, какъ будто хотѣли сказать: „Боже мой, неужели здѣсь на свѣтѣ можно сдѣлаться такимъ большимъ и такимъ ста-

рымъ?“ Но зимою, когда вьюга и метель окутывали всю окрестность снѣгомъ, а поблекшая травка и цвѣты вереска покоились глубоко подъ бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ, тогда свирѣлая буря съ шумомъ проносилаь по верхушкамъ могучихъ сосенъ и сметала снѣгъ съ вѣчно-зеленыхъ сучьевъ; ураганъ разрушалъ большіе дома, опрокидывалъ цѣлые лѣса, но сосны эти стояли непоколебимо и твердо; не ломались онѣ и тогда, когда буря вокругъ нихъ все ломала и опрокидывала. А быть такимъ сильнымъ и крѣпкимъ что-нибудь да значить.

Недалеко оттуда виднѣлся въ лѣсу пригорокъ, а на немъ маленькая хижина въ два окна, крытая дерномъ. Въ ней жилъ бѣдный крестьянинъ со своею старухой женой, а по близости было небольшое огороженное поле, гдѣ они садили картофель и сѣяли рожь. Зимою старикъ рубилъ въ лѣсу бревна, а потомъ возилъ ихъ на большой лѣсопильный заводъ, который находился за нѣсколько верстъ оттуда; такимъ образомъ онъ зарабатывалъ столько, что у него всегда былъ хлѣбъ и масло, молоко и картофель. Всѣмъ этимъ онъ былъ очень доволенъ, — онъ зналъ, что многимъ приходится довольствоваться одной мякиной, и у нихъ нѣтъ даже масла, чтобы намазать на свой хлѣбъ.

У старика и старухи было двое дѣтей. Мальчика звали Сильвестромъ, а дѣвочку Сильвіей.

Однажды въ зимній день дѣти отправились въ лѣсъ осматривать свои силки и сѣти, разставленные для зайцевъ и куропатокъ, которыхъ очень много водилось въ томъ лѣсу. Оказалось, что въ сѣть Сильвестра попался бѣлый заяцъ, а въ силокъ Сильвіи бѣлая куропатка. Заяцъ и куропатка запутались въ силки ногами и потому были еще живы. При видѣ дѣтей они запищали такъ жалостно, что дѣти въ удивленіи остановились.

— Отпусти меня, и тебя награждать за это — пищалъ заяцъ.

— Да, отпусти меня, и тебя награждать за это — пищала куропатка.

Дѣти сжалились надъ ними и выпустили ихъ. Заяцъ со всѣхъ ногъ пустился бѣжать въ чащу лѣса, а куропатка торопливо поднялась и полетѣла, и оба въ одно время закричали: „Спросите великановъ! спросите великановъ!“

— Что это значитъ, — съ досадой сказалъ Сильвестръ, — эти неблагодарныя животныя насъ даже не поблагодарили.

— Они сказали, чтобы мы спросили великановъ, —

сказала Сильвія.—Кто это? Никогда я прежде не слышала здѣсь о великанахъ.

— И я тоже,—сказалъ Сильвестръ.

Въ это время пронесся сильный холодный вѣтеръ по сучьямъ двухъ огромныхъ сосенъ, которыя росли тутъ по близости; удивительно зашелестили при этомъ ихъ темныя верхушки и дѣти, къ немалому своему удивленію, услышали въ этомъ шелестѣ странные слова.

— Стоишь ли ты еще, братъ великанъ,—спросила одна сосна.

— Разумѣется, я стою—отвѣчала другая сосна.— Но каково тебѣ, братъ великанъ?

— Я начинаю старѣть — отвѣчалъ первый. Вѣтеръ отломилъ у меня одинъ сучекъ съ верхушки.

— Въ сравненіи со мною ты еще ребенокъ. Тебѣ только триста пятьдесятъ лѣтъ, а мнѣ уже исполнилось триста восемьдесятъ восемь,—прошелестилъ второй великанъ.

— Смотри, теперь вѣтеръ возвращается—сказалъ первый. — Давай споемъ немного, по крайней мѣрѣ моимъ сучьямъ будетъ о чемъ подумать.

И они заплѣли вмѣстѣ подѣ шумѣ бури:

Услышь наше слово!
На сѣверѣ дикомѣ,
Вѣ пустыняхѣ далекихѣ,
Сѣ давнишнихѣ временѣ мы живемѣ;
Вросли наши корни
Глубоко, глубоко,
Вершинами кѣ небу растемѣ.
Свирѣпыя бури,
Мятели и вьюги,
Дожди, непогода кругомѣ —
Стоимѣ некрушимо
Два старые друга,
А время все мчится бѣгомѣ.
Уходятѣ теряясь
Вѣ пучинѣ забвенья,
Вѣка все одинѣ за другимѣ,
И сѣ ними рождаются
И гибнуть творенья,
А мы все стоимѣ, да стоимѣ.
Ростите же дѣти
Велики и сильны,
Какѣ мы, не страшитесь невзгодѣ,
Свѣтъ истины свѣтитѣ
Для всѣхѣ васѣ обильно!
Идите же смѣло впередѣ!

— Поговоримъ теперь съ этими дѣтьми людей,—
прошелестилъ второй великанъ.

— Меня удивляетъ, что бы эти сосны могли ска-
зать намъ,—тихо сказалъ сестрѣ Сильвестръ.

— Иѣтъ, иѣтъ, пойдѣмъ домой,—шептала Сильвія,—
я боюсь этихъ большихъ деревьевъ и ихъ удивитель-
ныхъ пѣсенъ.

— Подожди, вонъ идетъ отецъ съ топоромъ на
плечѣ,—сказалъ Сильвестръ.

Въ это время къ нимъ подошелъ отецъ.

— Вотъ два такихъ дерева, какія мнѣ нужно,—
сказалъ крестьянинъ, поднимая топоръ, чтобы срубить
одного изъ великановъ.

Но дѣти начали плакать:

— Добрый батюшка, не трогай этого великана—
говорилъ Сильвестръ.

— Милый батюшка, не тронь и этого,—говорила
Сильвія. — Они уже такіе старые, и только-что пѣли
намъ пѣсенку.

— Что за ребячество — сказалъ старикъ, — будто
деревья умѣютъ иѣтъ! Но все равно; если вы просите
не трогать ихъ, то я могу найти себѣ пару другихъ
деревьевъ.

Съ этими словами онъ пошелъ дальше въ лѣсъ,

а дѣти изъ любопытства остались послушать, что еще имъ скажутъ два великана.

Ждать имъ пришлось не долго.

Вѣтеръ воротился съ мельницы, гдѣ онъ мололъ съ такою силою, что искры летѣли изъ жернововъ, и снова зашумѣлъ въ вѣтвяхъ вѣковыхъ сосенъ. Теперь дѣти совсѣмъ ясно разслышали, какъ деревья опять говорили.

— Вы спасли нашу жизнь — говорили они дѣтямъ—и этимъ сдѣлали доброе дѣло. Теперь просите отъ насъ по подарку, и чего бы вы ни пожелали, все вы получите.

Дѣти очень обрадовались этому, но въ то же время и задумались. Имъ казалось, что имъ нечего желать на этомъ свѣтѣ. Наконецъ Сильвестръ сказалъ:

— Я бы хотѣлъ, чтобы теперь хотя немного за-свѣтило солнце; тогда бы мы лучше могли разобрать слѣды зайцевъ въ снѣгу.

— Да, да, — сказала Сильвія, — а я хотѣла бы, чтобы опять настала весна и снѣгъ началъ бы таять; тогда бы и птички снова запѣли въ лѣсу.

— Безразсудныя дѣти! — зашелестили деревья. — Вы могли пожелать себѣ разныхъ прекрасныхъ вещей, а вы пожелали то, что сдѣлается и безъ вашего жела-

нія. Но вы спасли намъ жизнь и потому мы исполнимъ ваши желанія; но исполнимъ ихъ только лучше и прекраснѣе. Ты, Сильвестръ, будешь имѣть даръ, что, куда бы ты ни пошелъ и на что бы ни взглянулъ, вездѣ вокругъ тебя будетъ свѣтить солнце. А ты, Сильвія, получишь тотъ даръ, что, куда бы ты ни пошла и когда бы ни открыла ротикъ, вездѣ вокругъ тебя будетъ весна и снѣгъ начнетъ таять около тебя. Довольны ли вы этимъ?—спросили деревья.

— Да, да!—закричали обрадованные дѣти. — Это больше, чѣмъ мы желали. Благодаримъ васъ, добрые деревья, за чудесные подарки.

— Ну, прощайте,—сказали деревья,—желаемъ вамъ счастья.

— Прощайте, прощайте,—закричали дѣти и весело побѣжали домой.

По дорогѣ Сильвестръ по привычкѣ часто оглядывался, высматривая на деревьяхъ куропатокъ, и къ своему удивленію замѣтилъ, что, куда бы онъ ни взглянулъ, вездѣ передъ нимъ мелькалъ какъ бы ясный лучъ солнца, сверкая какъ золото на сучьяхъ деревьевъ. Не меньше удивилась и Сильвія, когда также замѣтила, что снѣгъ начиналъ таять по обѣимъ сторонамъ тропинки, по которой они шли.

— Посмотри, посмотри, — крикнула она брату, и едва успѣла открыть ротъ, какъ зеленая травка стала показываться у ея ногъ, деревья начинали распускаться и высоко въ синевѣ неба послышалась первая пѣснь жаворонка.

— Ахъ, какъ это весело, — кричали дѣти, счастливыя и веселыя вбѣгая въ домъ.

— Я могу видѣть сіяніе солнца, — кричалъ Сильвестръ своей матери.

— Я могу сдѣлать, чтобъ таялъ снѣгъ, — кричала Сильвія.

— Ну, это всякій сдумаетъ дѣлать, — сказала мать и засмѣялась.

Но немного времени спустя она крайне удивилась. Хотя уже стемнѣло и наступилъ вечеръ, въ избушкѣ все еще какъ будто сіяло солнце, пока Сильвестру не захотѣлось спать и его глаза тихо не закрылись. И несмотря на то, что была глубокая зима, въ избушкѣ такъ сильно запахло весной, что даже вѣтникъ въ углу началъ зеленѣть, а пѣтухъ несмотря на позднее время отъ радости принялся пѣть на своей насѣсти, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Сильвія не заснула.

— Слушай, отецъ, — сказала старуха мужу, когда

тотъ воротился домой,—съ нашими дѣтьми что-то не ладно. Я боюсь, не околдовалъ-ли ихъ кто-нибудь въ лѣсу.

— Пустое! Ты себѣ это только воображаешь, — сказалъ старикъ. — Слушай лучше, какую новость я тебѣ скажу. Угадай, какую? Король съ королевой путешествуютъ по нашей странѣ и завтра проѣдутъ мимо нашей церкви. Какъ ты думаешь, не взять ли намъ съ собой нашихъ дѣтей и поѣхать съ ними посмотреть короля и королеву.

— Да, я согласна, — весело сказала старуха. — Не часто приходится намъ видѣть короля и королеву.

На другой день старики съ дѣтьми съ раннего утра отправились къ церкви. Они уже заранѣе такъ радовались предстоящему зрѣлищу, что никто изъ нихъ и не вспомнилъ о случившемся наканунѣ. Не замѣчали они и того, какъ лучъ солнца то-и-дѣло скользилъ передъ ихъ санями и что березы распу-скались на всемъ ихъ пути.

Когда они подъѣхали къ церкви, тамъ собралось очень много народу, но все были испуганы чѣмъ-то; говорили, будто король былъ очень недоволенъ тѣмъ, что нашелъ страну такою пустынною и дикою, и потому многіе думали, что онъ по своей обычной стро-

гости наложить на страну тяжелыя наказанія. О королевѣ говорили, что ей было очень холодно во все время путешествія по Финляндіи и что она при этомъ очень скучала.

Всѣ знали объ этомъ и потому народъ съ безпокойствомъ поджидалъ королевскую чету. Скоро всѣ со страхомъ увидали, какъ королевскія сани показались вдали и стали быстро приближаться. Король смотрѣлъ угрюмо, а королева плакала; но они все-таки остановились у церкви, чтобы перемѣнить лошадей.

— Посмотрите, какъ вдругъ засіяло солнце,—сказалъ король, осматриваясь по сторонамъ, и при этомъ онъ засмѣялся такъ милостиво, какъ обыкновенно смѣются всѣ прочіе люди. — Я совсѣмъ не понимаю, отчего мнѣ вдругъ стало такъ весело,—говорилъ онъ.

— Вѣроятно потому, что ваше величество изволили хорошо позавтракать,—отвѣчала королева. — Но и мнѣ также стало что-то весело.

— Вѣроятно оттого, что ваше величество изволили хорошо отдохнуть эту ночь. — Но посмотрите однако, какъ прекрасна эта пустынная страна! Взгляните, какъ ярко солнце освѣщаетъ тѣ двѣ огромныя сосны, которыя виднѣются тамъ въ лѣсу. Вотъ здѣсь бы намъ выстроить себѣ дворецъ.

— Да, да, ваше величество, выстроимъ здѣсь дворецъ,—сказала королева.—Здѣсь долженъ быть хорошій климатъ! Посмотрите только, какъ посреди зимы распускаются на деревьяхъ зеленныя листья.

Въ это время они замѣтили Сильвестра и Сильвію, которые взобрались на изгородь, чтобы лучше видѣть короля и королеву. Сильвія отъ радости такъ много болтала, что вся засохшая изгородь вокругъ нея стала распускаться въ роскошную зелень.

— Посмотрите, тамъ стоятъ двое милыхъ дѣтей,—сказала королева.—Пусть они подойдутъ къ намъ.

Дѣти подошли, положивъ пальцы въ ротъ, какъ дѣти обыкновенно дѣлаютъ при подобныхъ случаяхъ.

— Слушайте, — сказалъ король, — вы мнѣ очень нравитесь, и глядя на васъ, мнѣ становится весело. Садитесь ко мнѣ въ сани, я васъ повезу въ свой дворецъ; тамъ васъ одѣнутъ въ золотыя одежды, и будете вы радовать и веселить всѣхъ людей.

— Нѣтъ, благодаримъ, господинъ король, — отвѣчали Сильвестръ и Сильвія.—Намъ пріятнѣе радовать дома отца и мать. Да къ тому же мы соскучились бы у васъ по нашимъ великанамъ.

— Но нельзя ли взять съ собой вашихъ великановъ,—сказала королева, весело и ласково глядя на дѣтей.

— Нѣтъ, благодаримъ, госпожа королева, — отвѣчали дѣти. — Это невозможно, они растутъ въ лѣсу.

— Чего только дѣти не придумаютъ! — сказали въ одинъ голосъ и король и королева, и при этомъ такъ радушно засмѣялись, что даже королевскія сани запрыгали отъ такого смѣха.

Король и королева приказали выстроить здѣсь для себя дачу, и къ удивленію всѣхъ при этомъ были очень ласковы и милостивы. Всѣ бѣдные получили отъ нихъ по золотой монетѣ, а Сильвестру и Сильвіи кромѣ того они подарили большой крендель, испеченный придворнымъ булочникомъ; крендель этотъ былъ такъ великъ, что его съ трудомъ могли везти четыре лошади. Дѣти подѣлили этотъ крендель со всѣми другими дѣтьми въ деревнѣ и у нихъ все-таки осталось отъ него такъ много, что лошадь ихъ едва могла дотащить эти остатки домой.

На обратномъ пути старуха шепнула своему старику:

— Знаешь ли ты, отчего король и королева были такъ милостивы?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ.

— Да оттого, что Сильвестръ и Сильвія смотрѣли на нихъ. Помнишь ли, о чемъ я тебѣ говорила вчера?

— Тише,—сказалъ старикъ.—Не говори этого при дѣтяхъ. Пусть лучше они и не подозрѣваютъ, что обладают такими чудесными дарами, которыхъ ни одинъ человѣкъ и понять не можетъ.

Между тѣмъ Сильвестръ и Сильвія такъ радовались полученному большому королевскому кренделю, что совсѣмъ забыли о томъ, что умѣютъ вызывать сіяніе солнца и растоплять снѣгъ. Они не замѣчали, что всѣ, кто бы на нихъ ни взглянулъ, становились веселыми и добрыми. Всѣмъ казалось, что имъ такъ весело потому, что они видятъ хорошихъ дѣтей. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что родители, глядя на нихъ, испытывали истинную радость, и что пустыня, окружавшая со всѣхъ сторонъ ихъ избушку, мало-по-малу превратилась въ роскошныя зеленѣющія пашни и богатая пастбища, на которыхъ всю зиму распѣвали весеннія птички.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Сильвестръ былъ назначенъ лѣсничимъ надъ большимъ лѣсомъ, окружающимъ новую королевскую дачу, а Сильвіи поручили смотрѣть за большимъ садомъ, потому что, удивительное дѣло, гдѣ бы только дѣти эти ни находились, тамъ все цвѣло и зеленѣло, такъ что любо и весело было смотрѣть.

Однажды Сильвестръ и Сильвія пришли навѣстить

своихъ старыхъ друзей великановъ. Въ это время бушевала сильная зимняя буря, отъ которой шумѣло и гудѣло въ темныхъ верхушкахъ двухъ огромныхъ сосенъ; подъ шумъ этой бури громадныя сосны опять запѣли свою старую пѣсенку:

О, охъ, охъ, охъ, охъ!
 Постарѣли мы сильно,
 Вершины сѣдѣють у насъ;
 Но также мы крѣпки,
 Насъ бури не могутъ
 Сломить... не насталь еще часъ.
 Уходить предъ нами
 Въ пучину забвенья
 Вѣка все одинъ за другимъ,
 И съ ними родятся
 И гибнуть творенья,
 А мы все стоимъ, да стоимъ.
 О, охъ, охъ, охъ, охъ!
 Постарѣли мы очень,
 Вершины сѣдѣють у насъ,
 Но также мы сильны,
 Насъ бури не могутъ
 Сломить!...

и только-что онѣ успѣли допѣть до этого мѣста, какъ послышался ужасный трескъ и гулъ, и трахъ... повалились сразу на землю двѣ сосны-великаны. Одной

въ это время исполнилось триста пятьдесятъ пять лѣтъ, а другой триста девяносто три года. Онѣ сами не замѣтили, какъ ихъ корни подѣ конецъ такъ завяли и сгнили, что вѣтры небесные наконецъ осилили ихъ.

Но Сильвестръ и Сильвія ласково потрепали поросшіе мхомъ стволы ихъ и стали говорить имъ такіа ласковыя рѣчи, что снѣгъ кругомъ нихъ началъ таять, а блѣдно-красныя цвѣты вереска высоко поднялись надъ упавшими деревьями и похоронили ихъ подѣ собой. Такимъ образомъ сосны-великаны нашли себѣ могилу въ цвѣтахъ.

Давно уже я ничего не слышалъ про Сильвестра и про Сильвію, и вѣроятно они давнымъ давно сами постарѣли и посѣдѣли, такъ какъ очень много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ какой-то король съ королевой путешествовали по Финляндіи. Но всякій разъ, когда я вижу двухъ веселыхъ и добрыхъ дѣтей, любимыхъ всѣми, мнѣ кажется, что это должно быть Сильвестръ и Сильвія, и что они получили свои веселые и добрые глаза отъ тѣхъ сосенъ-великановъ. Недавно я видѣлъ двухъ такихъ дѣтей, и, удивительное дѣло, въ какую бы сторону они ни взглянули, тамъ какъ будто мелькалъ ясный лучъ солнца, отражаясь на темномъ небѣ и на печальныхъ или рав-

нодушныхъ лицахъ людей. Сами дѣти не замѣчали этого, но при видѣ ихъ всякій испытывалъ такую радость, какую испытываетъ человѣкъ при видѣ невинности, веселья и доброты. Тогда и ледъ на окнѣ начинаетъ таять, и снѣгъ въ сугробахъ, и морозъ въ холодныхъ сердцахъ людей, и наступаетъ весна съ роскошною зеленью посреди холодной зимы, такъ что даже и вѣтникъ въ углу начинаетъ зеленѣть, сухая изгородь распускается въ розахъ и жаворонки начинаютъ пѣть подъ высокимъ небеснымъ сводомъ. За все это мы должны благодарить тѣхъ великановъ, — или вѣрнѣе, за все это мы должны благодарить Всевышняго, милостью котораго на землѣ продолжаетъ зеленѣть весна и радость.

Маленькій Ларсъ.

иль былъ мальчикъ, котораго звали Ларсомъ, и такъ какъ онъ былъ еще очень маленькій, то его прозвали маленькимъ Ларсомъ. Онъ былъ очень храбрый парень и путешествовалъ во-кругъ свѣта въ лодкѣ, сдѣланной изъ гороховаго стручка.

Дѣло было лѣтомъ, когда въ саду уже зазеленѣли большіе стручья. Маленькій Ларсъ забрался въ горохъ, высокіе стебли котораго совсѣмъ закрывали его, и сорвалъ себѣ семнадцать самыхъ большихъ стручьевъ. Маленькому Ларсу казалось, что его никто не увидить, но онъ забылъ, что Богъ всюду видить.

Въ это время мимо проходилъ садовникъ съ ружьемъ и услыхалъ въ горохѣ шумъ. Кажется, это воробьи, — громко проговорилъ онъ: — Кш! кш! — Но воробьи не вылетали, а у маленькаго Ларса не было крыльевъ, а были только двѣ маленькія ножки.

— Погодите же, — сказалъ садовникъ: — вотъ я сейчасъ пугну васъ, дайте мнѣ только зарядить ружье!

При этихъ словахъ маленькій Ларсъ испугался и вышелъ изъ гороха.

— Простите меня, — сказалъ онъ садовнику: — я зашелъ сюда только для того, чтобы подыскать себѣ нѣсколько хорошихъ лодокъ.

— Пожалуй, на этотъ разъ я тебѣ прощаю, — сказалъ садовникъ: — но въ другой разъ ты долженъ сначала спросить позволенія.

— Я непременно буду это дѣлать, — отвѣтилъ маленький Ларсъ и съ этими словами пустился бѣжать къ берегу.

Тамъ онъ булавкой аккуратно раздвоилъ стручья, вставилъ вмѣсто скамеекъ спички, а вмѣсто балласта положилъ въ эти лодочки горохъ, вынутый изъ стручьевъ. Когда всѣ лодки были готовы, у маленькаго Ларса ихъ оказалось двѣнадцать; но это должны были быть не лодки, а большіе военные корабли. У него оказа-

лось три линейныхъ корабля, три фрегата, три брига и три шхуны. Самый большой линейный корабль назывался Геркулесомъ и самая маленькая шхуна — Блохой.

Маленькій Ларсъ спустилъ всѣ двѣнадцать кораблей въ воду и они поплыли такъ величаво, какъ никогда не плавало по синимъ волнамъ ни одно большое судно.

Корабли должны были совершить путешествіе вокругъ свѣта. Большой островокъ, тамъ вдали, назывался Азіей; большой камень, возвышавшійся надъ водой—Африкой; небольшой островокъ—Америкой; маленькіе камни—Полинезіей, а берегъ, откуда корабли отправлялись въ путешествіе—Европой. Весь флотъ поплылъ далеко въ море и направился въ различныя части свѣта. Линейные корабли поплыли прямо въ Азію, фрегаты—въ Африку, бриги—въ Америку и шхуны—въ Полинезію. Но маленькій Ларсъ остался въ Европѣ и съ берега побрасывалъ въ океанъ камешки.

Въ это время на берегу Европы находилась настоящая лодка,—собственная красивая лодка папаша, выкрашенная бѣлой краской. Въ нее-то и забрался маленький Ларсъ. Его корабли уплыли уже такъ далеко,

что виднѣлись посреди океана на подобіе соломинки. Маленькому Ларсу захотѣлось самому также совершить путешествіе вокругъ свѣта. Хотя папа и мама и запрещали ему кататься въ лодкѣ,—но маленький Ларсъ совѣмъ забылъ объ этомъ. „Я только немножко покажусь,—думалъ онъ,—и у береговъ Азіи поймаю Геркулеса, а потомъ поѣду обратно домой въ Европу“.

Маленькій Ларсъ началъ трясти веревку, которою лодка была привязана и, къ удивленію, веревка развязалась. Не долго думая, маленький Ларсъ сѣлъ въ лодку и молодцомъ отчалилъ отъ берега.

Теперь онъ хотѣлъ начать грести, а грести онъ умѣлъ, потому что часто это дѣлалъ дома на лѣстницѣ, когда лѣстница представляла изъ себя лодку, а папашина большая палка изображала весло. Но когда теперь маленький Ларсъ хотѣлъ приняться грести, то оказалось, что въ лодкѣ не было веселъ; они были подъ замкомъ въ чуланѣ, и маленький Ларсъ не замѣтилъ, что ихъ не было въ лодкѣ. А пуститься безъ веселъ черезъ море въ Азію вовсе не такъ легко, какъ кажется.

Что оставалось теперь дѣлать маленькому Ларсу? Лодка отплыла уже довольно далеко, и береговой вѣтеръ гналъ ее въ море. Маленькій Ларсъ испугался

и началъ кричать, но на берегу никого не было и потому никто не слыхалъ его крика. Только на большой березѣ равнодушно сидѣла ворона, а снизу къ ней подкрадывалась черная кошка садовника. Они не обращали никакого вниманія на маленькаго Ларса, котораго вѣтромъ уносило все дальше и дальше въ море.

Ахъ, какъ маленькій Ларсъ теперь раскаявался, что не послушался папы и мамы, которые такъ часто запрещали ему садиться въ лодку. Теперь уже было поздно, онъ не могъ понасть назадъ къ берегу.

Быть можетъ, ему теперь придется потонуть въ этомъ большомъ морѣ! Что ему оставалось дѣлать? Кричалъ онъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не усталъ, и наконецъ сложилъ свои маленькія ручки и произнесъ: „Добрый Божинька, не сердись на маленькаго Ларса!“

И съ этими словами онъ заснулъ.

Несмотря на то, что еще былъ ясный день и было далеко до вечера, на берегу Пуховыхъ острововъ сидѣлъ старый Нукку Матти, повелитель сновъ, и ловилъ своей длинной удочкой маленькихъ дѣтей. Онъ слыхалъ послѣднія слова маленькаго Ларса и, причаливъ лодку къ себѣ, сказалъ одному изъ сновъ: „Ступай и позабавь маленькаго Ларса, чтобы ему не было скучно!“

Сонъ этотъ былъ маленькій бѣлокурый мальчикъ,

ростомъ меньше самого Ларса; на немъ одѣта была красная шапочка съ серебрянымъ шитьемъ и бѣлая курточка, воротникъ которой былъ усыпанъ жемчугомъ. Онъ подошелъ къ маленькому Ларсу и сказалъ:

— Не хочешь ли ты совершить путешествіе вокругъ свѣта?

— Да,—отвѣтилъ во снѣ маленькій Ларсъ:—разумѣется, хочу.

— Такъ поѣдемъ,—сказалъ мальчикъ въ красной шапочкѣ,—на твоихъ стручковыхъ корабляхъ. Ты поѣдешь на Геркулесъ, а я—на Блохъ.

Итакъ, они отчалили отъ Пуховыхъ острововъ, и скоро Геркулесъ и Блоха очутились у береговъ Азіи, далеко на краю свѣта, тамъ гдѣ Беринговъ проливъ соединяетъ Ледовитое море съ Тихимъ океаномъ. Далеко въ снѣжномъ туманѣ виднѣлся пароходъ Норденшельда, Вега, *) который посреди льдовъ искалъ себѣ до-

*) Знаменитый шведскій мореплаватель Норденшельдъ въ Іюль мѣсяцѣ 1878 г. отправился на пароходѣ „Вега“ отыскивать путь изъ Атлантическаго океана черезъ Беринговъ проливъ въ Тихій океанъ. До него этотъ путь считался непроходимымъ за громадными массами льда, наполняющими Ледовитое море въ теченіе всего года. На этомъ пути пароходъ затерло льдомъ и только черезъ 10 мѣсяцевъ ему удалось освободиться отъ льдовъ и благополучно пройти черезъ Беринговъ проливъ въ Тихій океанъ.

рогу. Тутъ было ужасно холодно; высокія ледяныя горы сверкали удивительнымъ блескомъ, громадныя киты жили подъ толстой ледяной корой, которую они напрасно старались пробить своими неуклюжими головами. Со всѣхъ сторонъ, на пустынныхъ берегахъ на необозримое пространство лежалъ снѣгъ и только снѣгъ; тамъ на берегу двигались маленькіе люди, одѣтые въ звѣриныя шкуры, и ѣздили по снѣжнымъ сугробамъ на маленькихъ санкахъ, запряженныхъ собаками.

— Не высадиться ли намъ здѣсь на берегъ?—спросилъ Ларса маленькій мальчикъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Ларсъ: — я боюсь, что киты проглотятъ насъ, а большія собаки укусятъ. Поѣдемъ лучше въ другую часть свѣта.

— Пожалуй, поѣдемъ, — отвѣтилъ мальчикъ въ красной шапочкѣ съ серебрянымъ шитьемъ, — намъ отсюда недалеко до Америки.

Только-что онъ успѣлъ сказать эти слова, какъ они уже и очутились тамъ.

Тамъ ярко свѣтило солнце и было очень жарко. Величественныя пальмы украшали берега, покрытые роскошною растительностью, а на верхушкахъ ихъ красовались кокосовые орѣхи. По необозримымъ зеленымъ

лугамъ верхомъ неслись во весь опоръ красные какъ мѣдъ люди и бросали въ буйволовъ свои конья. Буйволы въ ярости оборачивались и, наклонивъ свои острые рога, бросались на отважныхъ охотниковъ. Огромная королевская змѣя вползла на вершину высокой пальмы и бросилась оттуда внизъ на маленькую ламу, которая паслась у подножія пальмы,—и въ одинъ мигъ не стало маленькой лампы.

— Не высадиться ли намъ здѣсь? — спросилъ маленькій мальчикъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Ларсъ:—я боюсь, насъ буйволы забодаютъ, или змѣя съѣстъ. Поѣдемъ лучше въ другую часть свѣта.

— Пожалуй, поѣдемъ,—отвѣчалъ мальчикъ въ бѣлой курточкѣ,— намъ отсюда недалеко до Полинезій,—и въ мигъ они очутились тамъ. Тутъ солнце пекло сильнѣе, чѣмъ въ Америкѣ, и было такъ жарко, какъ бываетъ на полкѣ бани, когда только-что поддадутъ пару. Тутъ на берегу росли роскошные кустарники и деревья, какъ напримѣръ: перецъ, кофе, чай, корица, инбирь, шафранъ и т. п. Люди коричневаго цвѣта съ длинными ушами и толстыми губами, лица которыхъ были ужасно разрисованы, охотились на берегу около бамбуковаго тростника за желтымъ

пятнистымъ тигромъ. Тигръ бросился на одного изъ охотниковъ и вонзилъ въ него свои острые когти и зубы. При видѣ этого все остальные бросились бѣжать.

— Не выйдти ли намъ здѣсь на берегъ?—спросилъ мальчикъ въ красной шапочкѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ маленькій Ларсъ,— развѣ ты не видишь тамъ у кустовъ тигра? Поѣдемъ лучше въ другую часть свѣта.

— Пожалуй, поѣдемъ,—сказалъ мальчикъ съ голубыми глазками.—Намъ недалеко до Африки.

И съ этими словами они очутились тамъ.

Они бросили якорь у устья большой рѣки; берега этой рѣки были покрыты такою роскошною зеленью, что казались однимъ сплошнымъ зеленымъ бархатнымъ ковромъ. Недалеко отъ рѣки разстилалась необъятная песчаная степь. Воздухъ былъ накаленъ и казался желтаго цвѣта, солнце жгло такъ сильно, такъ сильно, какъ будто хотѣло превратить землю въ пепелъ, а люди тамъ были черные, черные, такіе черные какъ чернила. Они ѣхали по степи на высокихъ верблюдахъ; львы страшно рычали, а изъ рѣки большіе крокодилы высовывали свои громадныя пасти съ острыми бѣлыми зубами.

— Не высадиться ли намъ здѣсь?—спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ маленькій Ларсъ:—здѣсь черезъ чуръ жарко, а львы и крокодилы растерзаютъ насъ. Поѣдемъ лучше въ другую часть свѣта.

— Не вернуться ли намъ обратно въ Европу?—сказалъ бѣлокурый мальчикъ.

И они въ тотъ же мигъ очутились тамъ.

Они приплыли къ берегу, гдѣ все было такъ знакомо, привѣтливо и вмѣстѣ съ тѣмъ прохладно. Тамъ стояла на берегу большая береза съ своей висящей листвою; на ея вершинѣ сидѣла старая ворона, а внизу подкрадывалась къ ней черная кошка садовника. Недалеко оттуда находился дворъ, очень знакомый маленькому Ларсу. Около двора тянулся садъ, а въ саду росъ горохъ съ большими длинными стручками. Тамъ же прогуливался садовникъ и удивлялся, что огурцы уже созрѣли. Тутъ же у лѣстницы громко лаялъ Филаксъ и, увидавъ маленькаго Ларса, привѣтливо замахалъ хвостомъ. Тутъ же у хлѣва старая Катерина доила коровъ. Тамъ очень знакомая дама въ клѣтчатои шали осматривала, какъ на зеленой травѣ бѣлилось полотно, а знакомый господинъ въ желтомъ тѣтнемъ сюртукѣ, съ длинной трубкой во рту, наблюдалъ какъ

рабочіе убрали съ поля рожь. Вдоль берега бѣжали мальчикъ и дѣвочка и кричали: маленькій Ларсъ, маленькій Ларсъ, пойдѣмъ домой кушать хлѣбъ съ масломъ!

— Не высадиться ли намъ здѣсь?—спросилъ мальчикъ и при этомъ, лукаво улыбаясь, прищурилъ свои голубые глазки.

— Пойдемъ вмѣстѣ, и я попрошу маму, чтобы она тебѣ дала булки съ масломъ и стаканъ молока,—сказалъ маленькій Ларсъ.

— Подожди немного,—отвѣтилъ мальчикъ. И при этомъ маленькій Ларсъ увидалъ пріотворенную дверь кухни, откуда слышалось тихое пріятное шипѣніе, какое бываетъ, когда на горячую сковороду льютъ желтое жидкое тѣсто для блиновъ.

— Не поѣхать ли намъ обратно въ Полинезію? — шепнулъ веселый мальчикъ сновидѣній.

— Нѣтъ, теперь въ Европѣ пекутъ блины, — отвѣтилъ маленькій Ларсъ и при этомъ хотѣлъ выскочить на берегъ, но не могъ. Оказалось, что мальчикъ перевязалъ его цвѣтами такъ крѣпко, что онъ не могъ пошевелинуться. Тутъ его окружили тысячи такихъ же маленькихъ мальчиковъ, и, взявшись за руки, запѣли пѣсенку:

Какъ изумительно великъ,
Какъ чуденъ Божій свѣтъ!
Взгляни-ка, Ларсъ, какихъ въ немъ странъ,
Какихъ диговинъ нѣтъ?

Въ одной нетающіе льды
И вѣчные снѣга,
Въ другой роскошные цвѣты,
Зеленые луга.

Тамъ люди разные живутъ,
Одинъ вездѣ лишь Богъ,
Котораго величье все
Никто постичь не могъ.

И счастливъ тотъ, кто Имъ любимъ,
Кто вѣрою живетъ;
„Безъ воли Божьей съ головы
И волосъ не спадеть.“

Скажи-жъ, гдѣ лучше, милый Ларсъ;
Ты весь объѣхалъ свѣтъ?
— Вездѣ прекрасенъ Божій міръ,
Но лучше дома — нѣтъ.

Пропѣвъ свою пѣсенку, мальчики убѣжали оставивъ Ларса одного. Долго лежалъ онъ неподвижно и все слышалось ему, какъ изъ кухни доносилось шипѣ-

ніе сковородки, и оно дѣлалось все слышнѣе. Но вотъ маленькому Ларсу показалось, что это шипѣніе совсѣмъ возлѣ него—и онъ проснулся.

Оказалось, что онъ лежитъ въ лодкѣ, въ которой уснулъ. Вѣтеръ переѣнился и, пока онъ спалъ, его опять принесло къ берегу. То, что казалось маленькому Ларсу шипѣніемъ сковородки, на самомъ дѣлѣ было не что иное, какъ тихій шумъ волнъ, когда онѣ ударялись о берегъ. Маленькій Ларсъ не совсѣмъ ошибся, потому что свѣтлыя синія озера и рѣки можно сравнивать съ большими сковородками, гдѣ Божіе солнышко каждый день печетъ блины всѣмъ добрымъ дѣтямъ.

Маленькій Ларсъ сталъ протирать себѣ глаза и осмотрѣлся. Все было по старому, на березѣ сидѣла ворона, внизу черная кошка, а у берега качался его стручковый флотъ. Нѣкоторые изъ кораблей погибли, другихъ же принесло обратно къ берегу. Геркулесъ воротился изъ Азіи съ своимъ грузомъ, а Блоха изъ Полинезіи, и всѣ части свѣта находились на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ и прежде.

Маленькій Ларсъ не зналъ, чему вѣрить. Ему такъ часто приходилось бывать на Пуховыхъ островахъ и все-таки онъ не зналъ, какъ сны порою подшучива-

ють. Но маленькій Ларсъ не сталъ ломать себѣ голову надъ этимъ, а, собравъ свои корабли, отправился домой.

Въ это время ему на встрѣчу бѣжали братъ и сестра и издали кричали:

— Гдѣ ты такъ долго былъ, маленькій Ларсъ? Пойдемъ домой, тебѣ дадутъ хлѣба съ масломъ!—При этомъ дверь кухни была пріотворена и оттуда слышалось шипѣніе сковородки.

Около воротъ стоялъ садовникъ и поливалъ цвѣты.

— Ну,—сказалъ онъ,—гдѣ же ты былъ такъ долго, маленькій Ларсъ?

Маленькій Ларсъ сдѣлалъ недовольное движеніе, гордо кивнулъ головой и съ достоинствомъ, очень серьезно, отвѣтилъ:—я на стручковой лодкѣ объѣхалъ весь свѣтъ!

— Ого!—сказалъ садовникъ.

Онъ совсѣмъ забылъ о существованіи Пуховыхъ острововъ.

Но ты, маленькій читатель, не забудешь ихъ; ты знаешь, что они существуютъ, знаешь ихъ чудесный гротъ, сіяющія серебряныя стѣны котораго никогда не ржавѣютъ; гдѣ блестящіе алмазы не теряютъ своего блеска, и гдѣ музыка никогда не перестаетъ тихо и нѣжно звучать въ вечерніе сумерки. Какъ никогда не

старѣютъ ясныя звѣзды, такъ точно и легкіе воздушныя сны никогда не старѣютъ въ залахъ Пуховыхъ острововъ. Быть можетъ, ты хоть мелькомъ видѣлъ прозрачныя крылья этихъ сновъ, когда они летали вокругъ твоего изголовья? Быть можетъ, ты тоже встрѣчалъ голубоглазаго бѣлокурого мальчика, одѣтаго въ красную шапочку и бѣлую курточку? Можетъ быть, онъ и тебѣ далъ возможность увидать всѣ части свѣта, холодныя пустыни, палящія стени, людей разныхъ цвѣтовъ, дикихъ звѣрей и животныхъ, въ лѣсахъ и моряхъ, и все это для того, чтобы ты учился, и затѣмъ съ радостью возвратился домой?

А, кто знаетъ? Можетъ быть, и тебѣ приходилось объѣхать весь свѣтъ въ лодкѣ изъ гороховаго стручка?

ПРАЗДНОВАНИЕ РОЖДЕСТВА У ТРОЛЬДОВЪ *).

Вонъ тамъ на самомъ углу улицы, въ маленькомъ домѣ, ярко освѣщены окна въ Рождественскій сочельникъ. Тамъ зажжена большая елка, украшенная красивыми звѣздами, конфетами и яблоками, а на столѣ стоитъ канделябръ съ зажженными свѣчами. Каждый разъ, какъ только въ передней начиналъ стучать и шумѣть наряженный, что онъ обыкновенно дѣлалъ прежде

*) Въ Финляндіи существуетъ обычай, что въ сочельникъ Рождества подарки дѣтямъ, а также и взрослымъ, вносятся въ комнату наряженнымъ.

Трольдъ—злой духъ, обитающій въ ущельяхъ горъ.

чѣмъ войти въ комнату, дѣти начинали кричать и прыгать отъ радости.

Но вотъ онъ вошелъ и по обыкновенію спросилъ, были ли дѣти послушны и добры.

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: „да“.

— Если такъ, — сказалъ наряженный, — то нѣто изъ васъ сегодня не останется безъ подарка. Но я скажу вамъ впередъ, что у меня нынче на половину меньше подарковъ противъ прошлаго года.

— Отчего же? — спросили дѣти.

— Я вамъ это сейчасъ объясню, — сказалъ наряженный. Пришелъ я съ далекаго сѣвера и по пути заглядывалъ во всѣ бѣдныя хижины и лачужки; тамъ мнѣ пришлось видѣть много маленькихъ дѣтей, у которыхъ сегодня не было даже куска хлѣба. Имъ то я и отдалъ половину вашихъ подарковъ. Хорошо ли я сдѣлалъ?

— Да, да, ты хорошо сдѣлалъ, — кричали дѣти.

Только Фредерикъ и Шарлотта молчали: они прежде всегда получали по двадцати и тридцати подарковъ и имъ казалось, что получая теперь вдвое меньше, они совсѣмъ обижены.

— Развѣ я не справедливо поступилъ? — вторично спросилъ наряженный.

При этихъ словахъ Фредерикъ отвернулся и проворчалъ: „Плохое же у насъ въ этомъ году Рождество! У Трольдовъ Рождество лучше справляютъ, чѣмъ ты намъ теперь устроилъ“.

Шарлотта въ свою очередь заплакала и сказала: „Неужели я получу только пятнадцать подарковъ? Да, гораздо лучше справляютъ нынче Рождество у Трольдовъ“.

— Вотъ какъ! — сказалъ наряженный — если вамъ кажется, что у Трольдовъ сегодня лучше, такъ я сейчасъ и отведу васъ къ нимъ.

При этихъ словахъ онъ схватилъ Фредерика и Шарлотту и, не смотря на ихъ сопротивленіе, быстро понесся съ ними по направленію къ лѣсу. Не успѣли дѣти опомниться, какъ уже очутились въ большомъ дремучемъ лѣсу, посреди сугробовъ снѣга. Было ужасно холодно, да еще была такая сильная мятель, что едва можно было разглядѣть огромныя ели, со всѣхъ сторонъ окружавшія ихъ, а не вдалекѣ послышался вой волковъ. Наряженный оставилъ дѣтей и быстро скрылся: ему некогда было тратить время, потому что его ждало еще много дѣтей, болѣе добрыхъ чѣмъ Фредерикъ и Шарлотта.

Дѣти принялись кричать и плакать; но чѣмъ боль-

ше они кричали, тѣмъ сильнѣе становилось завыванье волковъ.

— Пойдемъ, Шарлотта, — сказалъ Фредерикъ, — попробуемъ добраться до какой-нибудь хижины здѣсь въ лѣсу.

— Мнѣ кажется, что тамъ вдали между деревьями свѣтитъ огонекъ, — возразила Шарлотта. — Пойдемъ туда.

— Это не огонь, а ледяныя сосульки на деревьяхъ, которыя блестятъ въ темнотѣ, — отвѣтилъ Фредерикъ.

— Мнѣ кажется, что передъ нами большая гора, — сказала Шарлотта. — Неужели это жилище тролльдовъ, Растекайся, куда въ Рождественскій сочельникъ маленькій Сампо ѣздитъ верхомъ на волкѣ?

— Что ты говоришь, — отвѣтилъ Фредерикъ. — Отъ нашего дома до Растекайса будетъ по крайней мѣрѣ 70 миль. Пойдемъ и поднимемся на гору, тамъ мы можемъ лучше осмотрѣться.

Сказано, сдѣлано. Они стали пробираться впередъ по высокимъ снѣжнымъ сугробамъ, съ трудомъ пробираясь черезъ кусты и сломанныя деревья, которые попадались имъ на пути и спустя нѣсколько времени добрались до горы. Въ горѣ они увидали маленькую

дверь, сквозь которую свѣтилось что-то похожее на огонь. Фредерикъ и Шарлотта пошли по направленію къ свѣту и, къ своему ужасу, увидали, что они находятся у тролльдовъ въ Растекайсѣ. Но вернуться назадъ было уже поздно, да къ тому же и волки были такъ близко, что почти заглядывали въ двери. Внѣ себя отъ ужаса Фредерикъ и Шарлотта остановились у самыхъ дверей и увидали передъ собою большое зало, гдѣ тролльды справляли Рождество. Ихъ было тутъ нѣсколько тысячъ, и всѣ они были очень маленькіе, вышиною въ нѣсколько дюймовъ. Всѣ они казались какими-то сморщенными, были одѣты въ сѣрое платье, и ходили чрезвычайно быстро. Темноты они не боялись, потому что вмѣсто свѣчей у нихъ были замерзшіе червяки-свѣтляки и гнилые древесные пни, которые свѣтили имъ въ темнотѣ. Но когда имъ хотѣлось имѣть хорошую иллюминацію, тогда они начинали гладить по спинѣ черную кошку, отчего шерсть у ней начинала искриться; но вообще тролльды этого не любили, и какъ только кто нибудь изъ нихъ начиналъ гладить кошку, то остальные начинали кричать: „не надо! не надо! силъ нѣтъ выносить такого яркаго свѣта!“

Надо сказать, что всѣ тролльды боятся свѣта и пу-

гаются, если ихъ кто-нибудь увидить въ ихъ настоящемъ видѣ. Они и теперь справляли праздникъ потому, что замѣтили, какъ дни къ концу года становились все короче и короче, а ночи дѣлались все длиннѣе и длиннѣе. Они надѣялись (это они думаютъ съ наступленіемъ cadaго Рождества, потому что вообще всякій охотно вѣрить тому, что ему нравится), что наконецъ дня вовсе не будетъ и наступить вѣчная ночь. Эта мысль такъ несказанно радовала ихъ, что они начинали танцовать и по своему весело праздновать Рождество; они всѣ были язычники и не умѣли справлять его лучше.

По всему видно было, что трольды не боялись мороза. Не смотря на холодную зимнюю ночь, они угощали другъ друга ледяными конфектами, и при этомъ раньше, чѣмъ положить ихъ въ ротъ, дули на нихъ, чтобы онѣ не были черезъ чуръ горячими. Было тутъ еще другое отличное угощеніе, состоящее изъ папоротника и пауковыхъ ножекъ. Тутъ же стояла елка изъ ледяныхъ кристалловъ, причемъ одинъ изъ трольдовъ изображалъ изъ себя наряженаго, который приносилъ подарки.

Въ этомъ году у трольдовъ не было уже больше страшнаго короля снѣжныхъ утесовъ, потому что съ

тѣхъ поръ, какъ онъ растрескался и лопнулъ при церковномъ домѣ въ Энаре, никто не зналъ, что съ нимъ послѣ сталоcь. Многіе думали, что онъ перебрался на Шпицбергенъ, чтобы тамъ править языческимъ царствомъ и быть какъ можно дальше отъ крещенныхъ людей. Свое царство на сѣверѣ онъ оставилъ королю мрака и грѣха, Мундусу, который теперь сидѣлъ тутъ посреди залы рядомъ со своей королевой Каро, у которой была такая же большая борода, какъ и у короля. Они точно такъ же дарили другъ друга, какъ это дѣлаютъ прочіе люди. Король Мундусъ подарилъ своей королевѣ ходули, и такія высокія, что когда она вскарабкалась на нихъ, то сдѣлалась самою высокою и знатною дамою во всемъ свѣтѣ. Королева Каро, съ своей стороны, подарила королю Мундусу щипцы для сниманія со свѣчей, и такіе большіе, что онъ съ одного раза могъ бы снять со свѣчей всего свѣта и сразу погасить ихъ. Многіе не отказались бы получить отъ трольдовъ въ подарокъ къ Рождеству такіе щипцы.

Но вотъ поднялся съ своего трона король Мундусъ и обратился ко всему собранію трольдовъ съ высоко-мѣрною рѣчью, въ которой объявлялъ имъ, что скоро повсюду исчезнетъ свѣтъ и по всему міру наступитъ вѣчное царство мрака, которымъ управлять будутъ

трольды. При этихъ словахъ всѣ трольды зашумѣли и прыгая отъ радости закричали:

— Ура королю Мундусу и прекрасной королевѣ Каро! Да здравствуетъ царство мрака и грѣха! Гопъ, гопъ, гопъ, ура!

— Гдѣ мой развѣдчикъ, котораго я послалъ наблюдать съ самой высокой горы, есть ли еще какой-нибудь лучъ свѣта въ мірѣ?—спросилъ король.

При этихъ словахъ явился развѣдчикъ и донесъ: „Господинъ король, велико твое могущество: всюду царствуетъ мракъ!“

Спустя нѣсколько времени король опять спросилъ: „Гдѣ мой развѣдчикъ?“

Явился развѣдчикъ.

— Господинъ король, — сказалъ онъ, — далеко на небѣ я вижу маленькій огонекъ, какъ будто свѣтъ мерцающей звѣздочки, когда онъ пробивается сквозь черную тучу.

— Ступай опять на вершину горы, — сказалъ король.

Спустя нѣсколько времени король опять спросилъ: „Гдѣ мой развѣдчикъ?“

Явился развѣдчикъ.

— Господинъ король, — сказалъ онъ, — небо покры-

то снѣговыми тучами, и я болѣе не вижу этого маленькаго свѣтила.

— Ступай опять на вершину горы, — сказалъ король.

Спустя нѣсколько времени король опять спросилъ: „Гдѣ мой развѣдчикъ?“

Явился развѣдчикъ. Но король при этомъ замѣтилъ, что онъ совсѣмъ ослѣпъ и сильно дрожалъ.

— Отчего ты дрожишь, мой вѣрный слуга? И отчего ты ослѣпъ? — спросилъ король.

— Господинъ король, — отвѣтилъ развѣдчикъ, — тучи разсѣялись и на небѣ теперь сіяетъ звѣздочка, ярче и больше всѣхъ прочихъ звѣздъ. При видѣ ея я ослѣпъ и до сихъ поръ не могу опомниться отъ страха.

— Что бы это значило? — сказалъ король. — Развѣ не навсегда исчезъ свѣтъ и развѣ не наступило теперь вѣчное царство мрака?

Но всѣ трольды съ трепетомъ и молча стояли вокругъ трона и никто не рѣшался отвѣчать.

Наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Господинъ король, тутъ у дверей стоятъ двое дѣтей изъ людскаго рода. Спросимъ ихъ, можетъ быть, они намъ объяснятъ.

— Позвать сюда дѣтей, — сказалъ король.

Нѣсколько трольдовъ бросились къ Фредерику и

Шарлоттѣ и потащили ихъ къ трону короля. Можно вообразить себѣ, какъ дѣти при этомъ испугались.

Королева замѣтила испугъ дѣтей и чтобы хотя нѣсколько ободрить ихъ, сказала одной старушкѣ-домовихѣ, которая въ числѣ прочихъ стояла около трона: „дай этимъ бѣднымъ дѣтямъ немного драконовой крови и чешуи отъ жуковъ, чтобы они могли нѣсколько освѣжиться.

— Пейте и кушайте, пейте и кушайте, — говорила старуха, подавая имъ кровь и чешую. Но дѣти совсѣмъ не имѣли охоты принимать подобной пищи.

— Вы теперь въ моей власти, — сказалъ король, обращаясь къ дѣтямъ, — и я могу васъ превратить въ воронъ или пауковъ. Но я предложу вамъ загадку и если вы ее разгадаете, то я прикажу васъ отвести невредимыми домой. Согласны ли вы?

— Согласны, — отвѣчали со страхомъ дѣти.

— Хорошо, — сказалъ король. — Объясните мнѣ, что бы это значило, что послѣ того, какъ уже настало царство мрака и трольды начали управлять міромъ, вдругъ въ самое темное время года начинается свѣтъ. Далеко на востокѣ показалась звѣзда, которая своимъ блескомъ затмѣваетъ всѣ прочія звѣз-

ды и грозить моей власти погибелью. Скажите мнѣ, дѣти, что предвѣщаетъ эта звѣзда?

— Это та самая звѣзда, которая поднимается въ іудейской землѣ надъ Вифлеемомъ въ сочельникъ подѣ Рождество, и свѣтитъ всему міру, — отвѣтила Шарлотта.

— Отчего она такъ ярко свѣтитъ? — спросилъ король.

— Она ярко свѣтитъ потому, — отвѣчалъ Фредерикъ, — что нашъ Спаситель родился въ эту ночь, а онъ есть тотъ свѣточъ, который озаряетъ весь міръ. Съ этой ночи свѣтъ будетъ прибывать и дни дѣлаться длиннѣе.

При этихъ словахъ король сильно задрожалъ и опять спросилъ:

— Какъ же зовутъ этого владыку и короля свѣта, который родился въ эту ночь и пришелъ спасать міръ отъ грѣховъ и мрака?

— Иисусомъ Христомъ, Сыномъ Божиимъ, — въ одинъ голосъ отвѣтили дѣти.

Не успѣли они договорить этихъ словъ, какъ вся гора задрожала и съ страшнымъ грохотомъ рушилась. Сильный порывъ вѣтра ворвался въ огромное зало и опрокинулъ тронъ короля, между тѣмъ, какъ яркій

свѣтъ звѣздочки началъ мало по малу проникать въ самыя темныя разщелины горы. Всѣ тролды разсѣялись подобно дыму и осталась только одна ледяная елка, да и она начала блестѣть и таять, а съ высоты слышались, на подобіе звуковъ арфы, голоса ангеловъ. Дѣти закрыли лицо руками и не смѣли взглянуть наверхъ и на нихъ нашелъ точно сонъ, какой бываетъ, когда сильно устанешь; послѣ этого они не знали, что дальше происходило въ горѣ.

Когда они опять проснулись, то увидали себя въ своихъ постеляхъ.

Печка топилась, а старуха няня, которая каждое утро будила ихъ, стояла около кроватей и говорила: „вставайте скорѣе, а то опоздаете въ церковь!“ Фредерикъ и Шарлотта приподнялись и съ ужасомъ посмотрѣли на няню, не съ локоть ли она ростомъ и нѣтъ ли у ней бороды, и не предлагаетъ ли она имъ драконо-вой крови и чешуи отъ жуковъ. Но вмѣсто того они замѣтили, что столъ былъ уже накрытъ, на немъ дымился кофе и лежали только-что испеченныя свѣжія булки. Дѣтямъ давали кофе только утромъ на Рождество, въ другіе же дни они его не получали. Съ улицы слышалось побрякиванье колокольчиковъ отъ множества саней, въ которыхъ народъ длинной вереницей

ѣхалъ въ церковь. Всѣ окна на улицѣ были освѣщены, но ясные всѣхъ сіяли освѣщенные окна церкви.

Фредерикъ и Шарлотта переглянулись и не посмѣли рассказать нянѣ Катеринѣ, что они были у тролльдовъ. Быть можетъ, она бы засмѣялась и не повѣрила имъ и сказала бы, что они всю ночь проспали въ своихъ постеляхъ.—Вѣдь ты не знаешь этого, и я не знаю, да и никто хорошенько не знаетъ, какъ это было. Но если ты знаешь и я знаю, то покажемъ видъ, какъ будто не знаемъ, и если никто не знаетъ, то никто и не можетъ знать, что ты знаешь и что я знаю, и теперь ты знаешь столько, сколько я знаю, а я ничего не знаю, и потому было бы забавно знать, что ты знаешь, и много ли ты больше меня знаешь?

Я знаю только одно, что недовольныя дѣти рано или поздно попадутъ къ тролльдамъ. Тамъ ихъ будутъ угощать кусочками льда, драконовой кровью и чешуей отъ жуковъ, вмѣсто тѣхъ хорошихъ подарковъ, которыми они пренебрегали у себя дома. Потому что царь тьмы и грѣха овладѣетъ ими незамѣтно. Счастливы они будутъ, если тогда взойдетъ передъ ними посреди мрака ясная звѣздочка и они въ состояніи будутъ произнести слово, отъ котораго все злое рухнетъ и исчезнетъ.

Фредерикъ и Шарлотта никогда не могли забыть Рождества у трольдовъ. Мало того, что они остались совсѣмъ безъ подарковъ, имъ было такъ стыдно самихъ себя, что въ то утро они не смѣли поднять глазъ въ церкви, въ которой было такъ свѣтло и прекрасно,—туда спустилась звѣздочка изъ Виелеема, зажгла всѣ свѣчи и засіяла въ веселыхъ глазахъ всѣхъ добрыхъ дѣтей. Фредерикъ и Шарлотта очень хорошо замѣтили все это, но не посмѣли взглянуть вверхъ. Они рѣшились быть также добрыми дѣтьми. Сдержали ли они свое обѣщаніе? Этого я не знаю, но охотно готовъ повѣрить. Впрочемъ, когда ты ихъ встрѣтишь, то можешь спросить.

Канунъ Иванова дня.

Свѣтло и весело живетъ на Божьемъ свѣтѣ среди краснаго лѣта. Птицы поютъ, деревья покрыты листьями; солнце какъ будто погружается въ озеро и остается тамъ все время, пока пѣтухъ дремлетъ на насѣсти, а потомъ выходитъ изъ озера раньше, чѣмъ этотъ пѣтухъ успѣетъ порядкомъ обуть чулки.

Финляндія — такая большая страна, что въ сѣверныхъ ея частяхъ бываетъ гораздо свѣтлѣе лѣтомъ и темнѣе зимою, чѣмъ въ южныхъ. Это происходитъ отъ неравнаго разстоянія этихъ частей отъ экватора, какъ это извѣстно изъ географіи. Въ Або, Гельсингфорсъ и Выборгъ надо зажигать свѣчку, если захочешь

читать въ пасмурную ночь среди лѣта, а въ Улеоборгѣ можно цѣлыхъ три мѣсяца на-пролетъ читать безъ свѣчки, какъ бы ни было пасмурно. Случилось какъ-то, что одна маленькая собачка явилась на Божій свѣтъ въ концѣ Апрѣля, а къ концу Іюля ей было три мѣсяца. Во все это время темноты вовсе не было; когда же наступилъ Августъ и ночи стали становиться темнѣе, то собачка очень удивилась,—ей казалось, что весь міръ запрятался въ мѣшокъ,—вотъ она усѣлась на лѣстницѣ и принялась лаять на темноту.

Вечеромъ, въ канунъ Иванова дня всѣ мальчики обыкновенно играютъ на лугу въ мячъ, а дѣвочки или пляшутъ, или забавляются другими играми. Тѣ изъ нихъ, у кого есть деньги, могутъ достать себѣ кренделей, сладкихъ пирожковъ и меду, а бѣднымъ дѣтямъ приходится только смотрѣть, какъ другіе лакомятся, если никто съ ними не подѣлится. Ночью, на высококомъ мѣстѣ, зажигаютъ костеръ, который въ Финляндіи называется Кокко, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи Бальдерсъ-боолъ; огонь въ этомъ случаѣ означаетъ, что люди радуются свѣтлому времени. На Рождество, въ темное время года, зажигаютъ въ церкви много свѣчей, и это означаетъ, что Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, есть вѣчный свѣтъ міра, озаряющій всю землю. Но

среди лѣта во всей природѣ совершается служеніе Богу, и тогда цѣлый лѣсъ представляется храмомъ Божиимъ: надъ нимъ съ небеснаго свода сіяетъ лучезарное свѣтило, тамъ звонятъ голубые колокольчики, тамъ проповѣдуютъ древнія сосны, тамъ водопадъ своимъ шумомъ возвѣщаетъ слово Божіе, тамъ вѣтеръ какъ будто на органѣ играетъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, а маленькія птички своими слабыми голосами непрерывно распѣваютъ псалмы во славу Божию.

Лѣтняя проповѣдь говорится на слова изъ начала молитвы Господней: „Да святится имя Твое. Да пріидетъ Царствіе Твое. Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.“

И птичьи псалмы имѣютъ слова, но не каждый ихъ понимаетъ. Эти слова переняли птички отъ Божіихъ ангеловъ и эти слова говорятъ: „Слава въ Вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе.“

А цвѣты говорятъ другъ-другу: „Царь Соломонъ, въ своемъ величіи, не былъ одѣтъ такъ, какъ мы.“

Конечно, пріятно благодарить и славословить Бога въ церкви съ другими, и одному у себя дома; но радостно также, когда вся земля прославляетъ благость Божию, когда стоишь въ лѣсу, облитый солнечными

лучами и слышишь, какъ деревья говорятъ другъ другу: „да, мы всѣ дѣти Божьи и все это по его неизреченной милости. Возблагодаримъ же и прославимъ Его святое имя!“

Я хочу рассказать вамъ нѣчто веселое и хорошенькое, что случилось однажды ночью наканунѣ Иванова дня.

Густавъ и его сестра, Соня, въ этотъ день спали послѣ обѣда, чтобы не задремать, когда наступитъ ночь. Часовъ въ 6 вечера они покушали хлѣба съ масломъ, выпили по стакану молока, и отправились на лугъ съ мячами, палками и серсо. Каждый изъ нихъ получилъ отъ отца по серебряной монеткѣ, чтобы чѣмъ-нибудь полакомиться; тамъ обыкновенно старухи продавали дѣтямъ вафли и пряники.

На лугу уже собралось много мальчиковъ и дѣвочекъ, и между ними были также и тѣ, которыхъ мы уже прежде встрѣчали въ нашихъ сказкахъ. Дѣти играли въ мячъ, бросали серсо, бѣгали въ горѣлки и играли въ ястреба и голубя. Всѣмъ было очень весело. Даже воробьи, которые сидѣли неподалеку отсюда на крышѣ сарая, щебетали по своему какъ-то весело, что они всегда дѣлаютъ, когда видятъ что-нибудь забавное и веселое.

Наконецъ Густавъ и Соня набѣгались до усталости.

— Пойдемъ-ка къ старушкѣ, да купимъ себѣ вафель на мои деньги,—сказалъ братъ сестрѣ.

— Хорошо, пойдемъ,—сказала Соня.

Между тѣмъ у дороги сидѣли пять или шесть мальчиковъ и дѣвочекъ и съ наслажденіемъ лакомились вафлями, густо посыпая ихъ сахаромъ. Неподалеку отъ нихъ сидѣла въ сторонѣ маленькая дѣвочка, одѣтая въ лохмотья и тихонько посматривала на вафли. Она ничего не говорила, ничего не просила, но постоянно смотрѣла въ ту сторону и отъ времени до времени кусала свои маленькіе пальцы.

— Ты вѣрно очень голодна?—спросила ее Соня.— Развѣ ты ничего не ѣла сегодня?

Малютка молчала и сначала не хотѣла отвѣчать.

— Я со вчерашняго дня ничего не ѣла,—проговорила она потомъ.

— На, возьми мою денежку и купи себѣ покушать,—сказалъ Густавъ.— Мы передъ вечеромъ ѣли хлѣбъ съ масломъ, да кромѣ того у сестры моей есть еще деньги.

— Мои деньги побережемъ до тѣхъ поръ, пока не проголодаемся больше,—сказала Соня брату.

— Пожалуй,—согласился Густавъ. И они пошли

опять играть. Маленькая дѣвочка кивала имъ въ благодарность головой, и никто не зналъ, что она купила себѣ на эту монетку.

Поздно вечеромъ одни изъ дѣтей разошлись по домамъ спать, а другія отправились въ лѣсъ зажигать обычный костеръ. Тамъ, на самомъ высокомъ бугрѣ, сложена была большая куча смолистыхъ пней и хворосту. Какъ только солнце сѣло, эту кучу подожгли и громадный костеръ запылалъ яркимъ пламенемъ. Это было прекрасное зрѣлище. Темныя ели стояли кругомъ, дымъ и пламя высоко поднимались къ синему почному небу, а кругомъ огня плясали и старые и малые. Бѣлобровый дроздъ, который только-что давалъ въ лѣсу свой концертъ, замолкъ отъ удивленія; комары въ восхищеніи летѣли прямо въ огонь, чтобы лучше видѣть, а лисица въ лѣсу осторожно выглядывала изъ-за камня: ей любопытно было знать, что за смѣшныя представленія тамъ давались.

Когда первый костеръ догорѣлъ, всѣ мальчики бросились собирать новый, и крику, хохоту и веселья было на весь лѣсъ! Бѣдныя курточки и штанишки! въ смолѣ и копоти имъ больше всего пришлось поплатиться за этотъ пиръ.

— Ну, Густавъ, — замѣтила Соня брату, кото-

рый тащилъ сукъ, вдвое больше себя: — что скажетъ мама, когда увидитъ, что ты такъ перепачкалъ свое платье?

— Конечно не похвалить, — отвѣтилъ Густавъ и при этомъ не могъ не расхохотаться. — Тебѣ самой надо бы посмотрѣться въ зеркало. Знаешь ли, вѣдь у тебя проведены сажей предлинныя усы, да еще въ добавокъ и эспаньолка. Ты прелесть, какъ красива!

Соня смутилась, намочила кончикъ носоваго платка и стала торопливо стирать усы.

— Ну что, нѣтъ больше?—спрашивала она.

— Да пока-то нѣтъ,—успокоилъ ее Густавъ.

Но скоро у Сони снова появились усы, потому что ей нужно было раздувать огонь, гдѣ онъ плохо загорался.

— Ну теперь пойдемъ, купимъ себѣ по куску хлѣба съ масломъ; я страшно проголодался,—сказалъ Густавъ.

— Пойдемъ,—отозвалась Соня.—Вѣдь у меня еще цѣлы мои деньги.

Но на этотъ разъ у дороги стоялъ маленькій мальчикъ, совсѣмъ почти раздѣтый, потому что на немъ была одна только разорванная рубашонка. Пока онъ стоялъ у огня, ему было еще тепло, но когда онъ помо-

галъ другимъ таскать хворость, то ему дѣлалось такъ холодно, что у него стучали зубы. Ночью было очень холодно, какъ это часто бываетъ лѣтомъ.

— Что же ты не одѣнешься теплѣе?—сказалъ Густавъ.

— У меня нечего больше одѣть—отвѣтилъ мальчикъ и сталъ пробираться ближе къ огню.

— Такіе оборванцы, которымъ нечего надѣть, могли бы идти домой и лечь спать,—замѣтилъ длинноногій Туре, который стоялъ тутъ же возлѣ нихъ.

— У меня и дома нѣтъ, гдѣ бы я могъ спать, — отозвался нищій мальчикъ.

— У тебя и куртка и пальто. Одолжи пальто мальчику,—сказала Соня Туре, который держалъ свое пальто на рукѣ.

— Одолжи!—засмѣялся Туре.—Если кто-нибудь заплатитъ мнѣ за это, то я, пожалуй, одолжу до тѣхъ поръ, пока не взойдетъ солнце.

— На, возьми! — сказала Соня, подавая ему свою серебряную монетку.

Мальчика завернули въ пальто и ему стало хорошо, тепло и весело. Но никому не было такъ весело, какъ Густаву и его сестрѣ, не смотря на то, что они оба остались безъ вафель, безъ пряниковъ и безъ денегъ.

Такъ цѣлую ночь горѣлъ огонь, а ночь была очень недолгая. Скоро на востокѣ заалѣла заря и мало-помалу разгорѣлась какъ самое краснѣйшее золото.

— Сію минуту взойдетъ солнышко,—замѣтилъ Густавъ.—Взберемся-ка на гору, чтобы лучше видѣть!

— Гдѣ же мое пальто? Отдайте мое пальто!—кричалъ длинноногій Туре, получившій плату за то, что сдѣлалъ доброе дѣло.—Ахъ, какой же я былъ дуракъ!—говорилъ онъ.—Теперь я и деньги потерялъ, которыя нажилъ!

Не пойдутъ въ прокъ тѣ деньги, которыя слѣдуетъ отдать бѣднымъ. Пальто свое Туре нашелъ на пригоркѣ, но не нашелъ онъ своего хорошаго расположенія духа. Онъ былъ раздраженъ и бранился со всѣми. А чужой мальчикъ больше не показывался и никто не зналъ, куда онъ скрылся.

Когда Густавъ и Соня взойшли на высокую гору, то къ своему удивленію увидали тамъ обоихъ бѣдныхъ дѣтей, которымъ отдали свои деньги. Но теперь, они не казались больше ни бѣдными, ни грустными. Лица ихъ сіяли радостью и они сказали имъ:

— Вы были добры къ намъ, и мы отблагодаримъ васъ такъ, какъ никто не благодарилъ васъ прежде. Станьте возлѣ насъ на колѣни!

Густавъ и Соня стали на колѣни, хотя вовсе не понимали, зачѣмъ дѣти этого потребовали. Они забыли, что были голодны и что имъ хотѣлось спать. „Что-то мы теперь увидимъ?“ думали они.

Въ это время въ лѣсу настала такая тишина, что можно было бы слышать жужжаніе комаровъ; но и комары сложили свои крылышки, птицы замолкли и даже бурный водопадъ, казалось, притихъ въ скалахъ за лѣсомъ.

Но вдругъ по всему небу блеснулъ золотой лучъ и лучезарное солнце стало величественно и спокойно подниматься изъ-за горизонта. Въ одинъ мигъ вся природа встрепенулась отъ радости и снова раздались всѣ голоса въ природѣ: зажужжали комары, запѣли птички, зашумѣлъ водопадъ и въ большомъ лѣсу зашелестѣли вѣтви и листья.

— Посмотрите теперь! — сказали нишія дѣти. И въ это время Густавъ и сестра его увидѣли, что воздухъ сталъ быстро наполняться безчисленными легіонами маленькихъ прозрачныхъ ангеловъ, которые летѣли и вверхъ и внизъ, каждый къ своему охраняемому, потому что каждое дерево, каждый цвѣтокъ и каждое живое существо имѣетъ своего ангела-хранителя.

— Смотри, — сказала Соня брату, — у всѣхъ есть свои ангелы-хранители, которые возносятъ ихъ молитвы къ Богу. Только у насъ съ тобой нѣтъ!

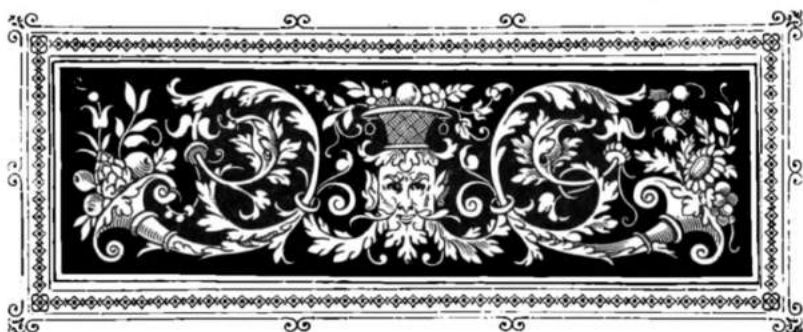
— Вы думаете? — сказали нищія дѣти. — А мы-то кто же? Развѣ вы не поняли теперь, что мы — ваши ангелы - хранители. И хотя вы насъ до сихъ поръ не видали, но вы часто чувствовали насъ въ своемъ сердцѣ, каждый разъ, когда вы молились Богу, или дѣлали что-нибудь хорошее. Въдь это мы простирали свои крылья надъ вашей колыбелью, когда вы были малютками; мы всегда сопровождаемъ васъ и именемъ Бога охраняемъ отъ всякаго зла на свѣтѣ; мы же будемъ сопутствовать вамъ и всю вашу жизнь, если только вы будете бояться Бога и поступать по его заповѣдямъ въ повиновеніи, любви, мирѣ и правдѣ до конца жизни.

По мѣрѣ того, какъ бѣдныя дѣти такъ говорили, они становились свѣтлыми и такими прозрачными, что сквозь ихъ можно было видѣть и солнце, и листву деревьевъ, и, наконецъ, исчезли совсѣмъ, какъ свѣтлое облако въ яркой утренней зарѣ.

Густавъ и его сестра дали другъ другу обѣщаніе, что они будутъ жить всегда такъ, чтобы ихъ ангелы радовались на нихъ. И какъ бы въ отвѣтъ они услы-

хали въ шумѣ лѣса и въ пѣніи птицъ одну величественную, хвалебную пѣснь Богу: „Да святится имя Твое! Да прійдетъ царствіе Твое! Да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли!“

Солнечный лучъ въ Ноябрь.

уравни все трудились и работали. Имъ много надобно было сдѣлать. Сначала они должны были плотно задѣлать свои жилища въ своемъ муравейникѣ, чтобы зимою быть вполне защищенными отъ холода. Потомъ необходимо было обойти всѣ кладовыя и убѣдиться, достанетъ ли имъ пищи на пять или на шесть мѣсяцевъ зимняго заключенія. Далѣе слѣдовало укрѣпить входы въ свой городъ отъ нападенія непріятелей. Затѣмъ надо было очистить дорожки отъ хвойныхъ иглъ, и наконецъ уже влѣзть на ближайшее дерево и произвести наблюденіе надъ божь-

имъ свѣтомъ, а также поглядѣть на облака, и по движенію ихъ предугадать приближеніе зимы!

Кромѣ всего этого муравьямъ предстояла еще трудная и печальная работа: имъ надо было готовить могилу своей умершей великой матери Природѣ; этимъ были заняты также и всѣ мельчайшія существа на землѣ, которыхъ насчитывалось 94 квинтильона, 18 квадрильоновъ, 400,000 трильоновъ, 888,000 мильоновъ, 954,367. Запиши-ка это число! Утверждаютъ что ихъ было столько, но я въ точности этого не знаю: быть можетъ ихъ было только 954,367.

Иней уже покрылъ поля безчисленными мильонами жемчужинъ, которыхъ никто не поднималъ. Всѣ поблекшія травы и безлистыя деревья стояли уже въ печальной траурной одеждѣ; однѣ только сосны, да ели, всегда одѣтыя въ свои темно-зеленыя шубы, готовились отряхнуть съ себя покрывавшій ихъ мохъ. Вѣтры—дочери воздуха, сидѣли въ облакахъ, и разсыпали пушистый снѣгъ для покрывала земли. Замерзающія волны съ жалобнымъ стономъ несли свой плескъ къ берегамъ, пока наконецъ совсѣмъ не засыпали подъ ледянымъ покрываломъ, а маленькія птички, оставшіяся послѣ отлѣта другихъ, робко пѣли короткую погребальную пѣснь подъ акомпаниментъ вечерняго

шелеста качающихся сосенъ. Все было такъ холодно, такъ пасмурно, такъ ужасно печально...

Но вотъ блеснулъ солнечный лучъ...

Это былъ лучъ настоящаго небеснаго золота и взглянулъ онъ изъ густого снѣжнаго облака на блестящія иныя, на увядшія травы, на безлистья деревья, на темныя сосны, на застывшія волны, на маленькихъ птичекъ, на трудолюбивыхъ муравьевъ и на всѣ 94 квинтильона мельчайшихъ живыхъ существъ, — сколько именно ихъ было, я позабылъ, — и въ одно мгновеніе все измѣнилось.

— Что же это? — сказалъ филинъ, который сидя на флагштоктѣ пытался запѣть басомъ гимнъ наступавшей осени, начинавшійся словами: „Осень пришла, я слышу шумъ бури“. И какой рѣзкій и непріятный былъ у него голосъ, но что же было дѣлать, когда всѣ пѣвчія птицы улетѣли. Что это? — продолжалъ онъ, — я вовсе не понимаю, отчего такъ фальшиво пою; я не могу даже прочесть ни одной ноты, когда солнце свѣтитъ мнѣ прямо въ глаза.

— Это ни на что не похоже! — зароптали муравьи, которые только-что съ большимъ трудомъ нанизали иней на подобіе жемчуга по стебелькамъ травы, желая этимъ придать ей траурный видъ. И вдругъ теперь

этотъ иней началъ таять.—Это совсѣмъ ни на что не похоже; теперь будетъ только слякоть да грязь! Ахъ, не найдется ли здѣсь зонтика, котораго хватило бы распустить отъ сѣвера и до юга?

Кузнечикъ, который цѣлое лѣто трещалъ и игралъ и не думалъ никогда приниматься за работу, лежалъ теперь полумёртвый отъ голода, прикрывшись поблекшимъ осиновымъ листкомъ. Но пригрѣтый солнечнымъ лучемъ, онъ подумалъ, что снова наступило красное лѣто, и снова затрещалъ и заигралъ, такъ что осиновый листокъ только подпрыгивалъ надъ нимъ, но бѣднякъ стеръ себѣ ножки—и такимъ образомъ наступилъ конецъ его забавъ.

Все это видѣлъ солнечный лучъ, блеснувшій прямо изъ темнаго густого облака. Но онъ несся на трепещущихъ крыльяхъ внизъ, разсѣкая прозрачный воздухъ, и искалъ кого-нибудь, кого бы могъ утѣшить и обрадовать на землѣ.

Солнечный лучъ коснулся замерзшаго пруда и блеснулъ на свѣтломъ осеннемъ льду.

— Нѣтъ-ли здѣсь кого, кто скучаетъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчали собравшіеся школьники, которые шумно и весело катались на конькахъ, проводя ими

рѣзкіе узоры на только-что застывшемъ лѣду, между тѣмъ какъ дѣвочки, стоя на берегу, пробовали ногами пробить первый тонкій ледъ. Всѣмъ имъ было очень весело.

Солнечный лучъ скользнулъ далѣе и остановился на безлистой березѣ.

— Нѣтъ ли здѣсь того, кто печалится?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала береза,—зачѣмъ мнѣ печалиться? Я знаю навѣрно, что когда снова придетъ весна, то и я снова зазеленѣю прекраснѣе прежняго.

Опять дальше перебѣжалъ солнечный лучъ и заглянулъ въ бѣдную хижину, гдѣ родители и дѣти дѣлили свой послѣдній хлѣбъ съ другими бѣдняками, которые были бѣднѣе ихъ.

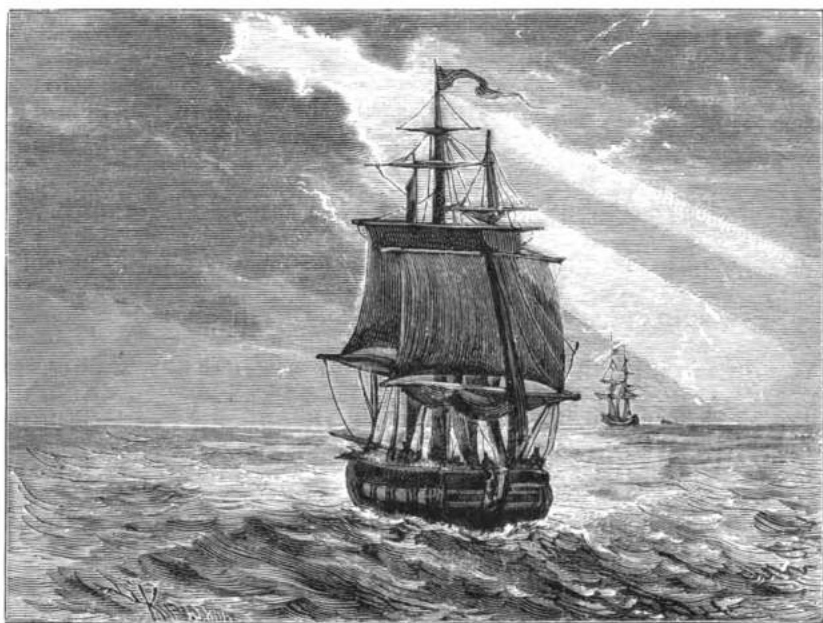
— Нѣтъ ли здѣсь кого, кто горюетъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—сказали бѣдные люди,—о чемъ намъ горевать? Мы знаемъ, что Богъ, по своей милости, печется о всѣхъ своихъ дѣтяхъ, и на него мы полагаемъ всѣ наши печали.

Теперь солнечный лучъ понесся далѣе и остановился на кораблѣ, который въ морѣ боролся съ бурей.

— Нѣтъ ли здѣсь кого, кто бѣдствуетъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — сказалъ старый морякъ, — чего намъ унывать? Богъ ведетъ и направляетъ нашъ корабль къ пристани, а потому мы безстрашно идемъ противъ всѣхъ опасностей.

Солнечный лучъ направился далѣе и приблизился къ кровати больного.

— Нѣтъ ли здѣсь кого, кто скорбитъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ больной, — о чемъ мнѣ скорбѣть? Въ рукахъ божіихъ мое здоровье, и Онъ лучше насъ знаетъ, что намъ нужно. Потому и самыя страданія

радуютъ меня. Я знаю, что ничего не случится со мной безъ Его святой воли, а воля Божія всегда благая!

Опять дальше понесся солнечный лучъ и остановился у церковной ограды, возлѣ которой сидѣла мать и плакала о своемъ умершемъ ребенкѣ.

— Нѣтъ-ли здѣсь кого, кто страдаетъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала плачущая мать,—о чемъ мнѣ печалиться, когда я чувствую, что скоро увижусь на небесахъ съ моимъ малюткой. А если я плачу, любезный лучъ, такъ это отъ умиленія, что Богъ такъ рано призвалъ мое любимое дѣтище къ своей вѣчной радости.

И солнечный лучъ удивился, что не нашелъ никакой печали на землѣ. Но еще не все видѣлъ добрый солнечный лучъ.

Нѣсколько времени спустя онъ засвѣтилъ въ окно, у котораго стояла маленькая дѣвочка передъ цвѣточнымъ горшкомъ.

— Нѣтъ ли здѣсь кого, кто груститъ? — спросилъ онъ.

— Да,—сказала дѣвочка,—здѣсь есть такая. Это я горюю о своемъ миртовомъ отводочкѣ, который я посадила на свое счастье, а теперь онъ вянетъ въ эту темную осень.

Если только это, то я тебя сейчас утѣшу,—сказалъ солнечный лучъ. И онъ засіялъ такъ привѣтливо и тепло на посаженную мирту, что она скоро оправив-

лась и принялась. И сразу какъ не бывало печали у окна и въ дѣтскомъ сердцѣ.

Опять далѣе перенесся солнечный лучъ и освѣтилъ тюрьму.

— Нѣтъ ли здѣсь кого, кто отчаявается? — спросилъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ заключенный преступникъ, который сидѣлъ въ цѣпяхъ въ ожиданіи своего приговора, — не долженъ ли я отчаяваться, вѣдь я преступникъ, отвергнутый и Богомъ и людьми безъ надежды на помилованіе?

— Посмотри сюда, — сказалъ солнечный лучъ, скользнувъ на лежавшую на столѣ библію, раскрытую на томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что Спаситель даруетъ прощеніе разбойнику на крестѣ.

И сразу исчезло отчаяніе изъ тюрьмы и изъ измученнаго сердца преступника.

Еще дальше блеснулъ солнечный лучъ и добрался до стараго Николы-Гуляки, который стоялъ на берегу и въ отчаяніи простиралъ руки къ бушующей безднѣ.

— Нѣтъ ли здѣсь кого, кто убивается? — спросилъ солнечный лучъ.

— Да, — застоналъ Никола.

— Что же печалить тебя?

— Я сокрушаюсь теперь потому, что въ дѣтствѣ былъ такъ неблагодаренъ и непослушенъ моимъ покойнымъ родителямъ. Теперь на старости лѣтъ я начинаю жалѣть о моихъ юныхъ годахъ, которые я

провелъ въ лѣнности и забавахъ; я сокрушаюсь о томъ, что во всю мою жизнь не доставилъ никому удовольствія или пользы, а всегда думалъ только о своихъ забавахъ. Поэтому я и хочу теперь броситься въ эту бушующую бездну.

— Подожди немного,—сказалъ солнечный лучъ.— Иди за мной, и я покажу тебѣ дорогу туда, гдѣ ты можешь еще сдѣлать что-нибудь доброе на свѣтѣ.

И лучъ замелькалъ по кочкамъ и по сухой травѣ, а Никола-Гуляка послѣдовалъ за нимъ, пока наконецъ не пришелъ къ пруду, куда украдкой въ учебный день безъ позволенія забралась школьная молодежь.

— Посмотри сюда,—сказалъ солнечный лучъ,—и сядь здѣсь, да расскажи дѣтямъ, каково бываетъ тому, кто всю жизнь проводитъ только въ удовольствіяхъ и забавахъ.

Никола-Гуляка сѣлъ и сталъ рассказывать, а мальчики и дѣвочки собрались слушать его; въ это время солнечный лучъ началъ свѣтить имъ прямо въ глаза, какъ лучъ вѣчнаго божественнаго свѣта.

И вотъ старый Никола-Гуляка снова повеселѣлъ; онъ обрадовался, что сумѣлъ сдѣлать хоть какое-нибудь доброе дѣло.

Теперь солнечный лучъ довольно пробѣжалъ для

одного дня и въ одинъ мигъ онъ снова очутился опять за 14 мильоновъ миль у самого солнца.

Надвинулись осеннія тучи и задернули небо своей завѣсой, между тѣмъ какъ солнечный лучъ сидя на краю солнца, выжидалъ только случая, чтобы опять пробраться черезъ эту завѣсу и снова спуститься на землю.

Прошло много, много времени, пока ему наконецъ удалось опять выглянуть изъ-за тучъ на землю и заблестѣть на ослѣпительной бѣлизнѣ снѣговъ. Но при этомъ онъ все еще помнилъ свое веселое путешествіе въ Ноябрь, когда ему удалось утѣшить столько сердецъ, — а подобное сознаніе оставляетъ по себѣ на долго пріятное воспоминаніе.

ДѢТИ СОЛНЦА.

Первое приключеніе Фламинга и Дагмары.

— — —

Въ царствѣ Свѣта Солнца дѣти,
Принцъ съ принцессой, жили,
И такихъ дѣтей на свѣтѣ
Рѣдко находили.

Словно майскій день прекрасны,
Какъ весна привѣтны;
Глазки свѣтло-голубые
И въ ночи замѣтны;

Золотистыми волнами
Кудри рассыпались
И зари румянымъ цвѣтомъ
Щечки покрывались.

Точно сны—легки, воздушны,
Въ серебрѣ сіяли,
Драгоценными камнями
Платя убирали.

Принцъ Фламингомъ назывался,
Принцесса Дагмарой,
И не даромъ царь гордился
Этой чудной парой.

Ихъ дворецъ — хрустальный замокъ —
Роскошь украшала:
Потолки все золотые,
И полъ коралла;

Аметисты и рубины
Въ окнахъ тамъ блестяли...
Тамъ найти, казалось, можно,
Чтобъ ни захотѣли.

Для прогулокъ по вселенной
Была коней пара:
„Вѣтеръ“ быстрый — для Фламинга
И „Лучъ“ — для Дагмары.

Какъ-то утренней зарею
Въ путь они пустились,
Безконечныя пространства
Быстро проносились;

Звѣздъ небесныхъ мириады
Быстро тамъ вращались,
Кони бѣшено неслися,
Дѣти восхищались.

Но Дагмара въ этой скачкѣ
Первая устала:
— Не пора ль, Фламингъ вернуться
Намъ домой?—сказала.

— Нѣтъ, еще хотя немного,
Хоть часокъ, родная;
Посмотри, какая прелесть
Въ этомъ чудномъ краѣ!

Посмотри—тамъ въ царствѣ ночи
Звѣздочка мелькаетъ,
Такъ и просить насъ съ тобою,
Такъ и привлекаетъ.

И на землю дѣти Солнца
Быстро опустились,
Тамъ, гдѣ смерчи и тифоны
Въ воздухѣ носились;

Гдѣ подъ строгимъ взглядомъ солнца
Все живое пало
И какъ будто предъ тираномъ
Билось, трепетало.

Тигръ рычалъ, томясь отъ жажды,
И шакалы были,
Въ тростники, въ кусты отъ зноя
Люди уходили.

И казалось, вся природа
Подъ огнемъ стонала,
И лучи златые солнца
Въ мукахъ проклинала.

— Нехорошая планета:
Здѣсь вражда, проклятья,
Здѣсь,—вскричалъ Фламингъ блѣднѣя,—
Не хочу гулять я!

И испуганныя дѣти
На коней вспрыгнули
И въ туманѣ надъ землею
Быстро потонули.

Долго въ сумракѣ тумана
Дѣти тамъ блуждали
И на землю въ край далекій
Сѣвера попали.

Здѣсь была въ другой одеждѣ
Чудная природа:
Здѣсь поля покрыты снѣгомъ
Больше полугода.

Только въ зелени одѣта
Ель одна стояла
И суровый край холодный
Будто оживляла.

Ночи длинныя зимою
Безъ конца казались,
И сосновою лучиной
Избы освѣщались.

Свѣтъ источникомъ здѣсь жизни
Жители считали,
И лучи живые солнца
Всѣ благословляли.

— Какъ здѣсь весело, пріятно,
Какъ легко здѣсь дышешь
И отцу благословенья,
Не проклятья слышишь;

Здѣсь желанные мы гости,—
Молвила Дагмара,—
Здѣсь давно насъ ожидаютъ,
Словно Божья дара.

Здѣсь мы съ дѣтями побудемъ,
Поиграемъ въ прятки,
А пока у этой ели
Постоять лошадки.

И довольныя блаженствомъ
Загорѣлись очи,
И мгновенно разогнали
Тьму густую ночи.

Передъ дѣтскою улыбкой
Разцвѣла природа,
Всѣ поля одѣлись въ зелень
Къ радости народа.

Наступило Божье лѣто,
Засинѣло море,
Вмѣстѣ съ холодомъ и ночью
Улетѣло горе.

Дѣти Солнца долго, долго
Тамъ съ дѣтьми играли:
Зерна сѣяли, купались,
Травку собирали,

Лугъ украсили цвѣтами
Нивы тучнымъ хлѣбомъ.—
Не пора ли намъ, Дагмара,
Повидаться съ небомъ?—

Нѣтъ, Фламингъ, еще колосья
Не созрѣли въ полѣ;
Поиграемъ хорошенько
Здѣсь одни на волѣ.

Такъ въ весельи незамѣтно
Мѣсяцы летѣли,
На деревьяхъ на роскошныхъ
Листья пожелтѣли.

Наступилъ и часъ разлуки,
Дѣти въ путь собрались,
Съ засыпающей землею
Долго все прощались.

Съ ихъ отъѣздомъ снова ночи
Безъ конца настали.
И съ тѣхъ поръ весною каждой
Дѣти прилетали;

Но однажды,—такъ угодно
Видно было Богу,
Что весной *) Дагмара какъ-то
Занозила ногу.

И Фламингъ одинъ приѣхалъ
Вмѣстѣ съ яркимъ свѣтомъ,
Но тепла, какъ при Дагмарѣ,
Не было тѣмъ лѣтомъ.

Безъ тепла жъ цвѣты, колосья
Зеренъ не родили,

*) Весна 1867 г. была очень холодная и въ этомъ году въ Финляндіи былъ большой неурожай.

Люди, голову повѣся,
Грустные ходили.

И съ надеждой обраща
Взоръ молящій къ небу,
Вседержителя просили
О насущномъ хлѣбѣ.

Прилетайте дѣти Солнца
Вмѣстѣ къ намъ на лѣто,
Чтобъ достаточно намъ было
И тепла и свѣта.

Война Солнца.

Второе приключеніе Фламинга и Дагмары.

Помнишь ли ты сказку „Двѣ Сосны“, въ которой двое маленькихъ дѣтей одарены были способностью распространять свѣтъ и теплоту тамъ, гдѣ они появлялись?

— О да, очень хорошо помню.

— Помнишь ли ты Фламинга и Дагмару, золотокудрыхъ дѣтей Солнца, которые катались по воздушному пространству на своихъ быстрыхъ коняхъ Лучѣ и Вѣтрѣ?

— Какъ же, хорошо помню.

— Это все та же сказка о свѣтѣ; есть еще другая

сказка о мракѣ, но она не изъ веселыхъ. Теперь я хочу рассказать тебѣ нѣчто о равноденствіи.

— Расскажи! Я знаю: это бываетъ въ Мартѣ мѣсяцѣ.

— Далеко на сѣверѣ жилъ великанъ Фимбулъ. Этотъ великанъ былъ страшно силенъ и жилъ въ ущельѣ между ледяными горами по ту сторону мыса Нордкапа. Очень ученый былъ этотъ великанъ и умѣлъ производить мракъ, морозъ, градъ и бурю. Впрочемъ такой наукой нечего особенно хвалиться.

Фимбулу часто было скучно сидѣть одному въ ущельѣ и слушать, какъ ледяныя горы съ громомъ и трескомъ ударяются одна объ другую; видѣть онъ не могъ,—онъ былъ слѣпой,—а потому кругомъ него было темно, точно въ мѣшкѣ. У него была лошадь, Борея, что означаетъ сѣверный вѣтеръ. Самъ великанъ былъ чернѣе ночи, а лошадь его была какъ снѣгъ бѣлая, и когда она фыркала, то вокругъ нея собирался густой туманъ на подобіе тучъ. Иногда Фимбулъ выѣзжалъ на Бореѣ и проносился надъ горами и лѣсами; тогда онъ казался большою черною тучею, полною снѣга.

Однажды, проносясь черезъ большое замерзшее озеро въ Лапландіи, Фимбулъ почувствовалъ какъ бы ко-

лотье въ глазахъ и въ то же время дуновеніе теплаго вѣтерка, отъ котораго его борода начала таять. Это послѣднее было ему особенно непріятно, потому что вообще всякій великанъ дорожитъ своей бородой: ему кажется, что она очень краситъ его.

— Что это колетъ мнѣ глаза и дуетъ въ бороду?— спросилъ великанъ Борея.

Борей, какъ и всѣ волшебныя лошади, умѣлъ говорить, къ тому же онъ на своемъ вѣку много путешествовалъ и всего насмотрѣлся.

— Это дѣти Солнца, принцъ Фламингъ и принцесса Дагмара, катаются по бѣлому свѣту,—отвѣчалъ Борей.

— Это дерзко и нахально!—вскричалъ великанъ. —Спроси ихъ, по какому праву они осмѣлились путешествовать по моему царству?

— Весь міръ ихъ царство, — отвѣтилъ Борей. — А ѣдутъ они такъ быстро, что мнѣ никакъ не догнать ихъ.

— Нечего сказать, хороша полиція, которая позволяетъ такимъ бродягамъ скитаться по бѣлому свѣту,— проворчалъ великанъ. Пріостановись немного; я наброшу на нихъ мой большой плащъ.

Случилось, что Фламингъ и Дагмара были такъ же любопытны, какъ и всѣ другія маленькія дѣти. Когда

они увидали, что имъ на-встрѣчу надвигается большая черная туча, они остановили своихъ лошадокъ, чтобы поближе посмотреть на эту диковину. Въ это время великанъ Фимбулъ накрылъ ихъ черною тучею, которая служила ему плащомъ, и затѣмъ увелъ своихъ плѣнниковъ въ мрачное ледяное ущелье по ту сторону Нордкапа.

Ты уже знаешь, какъ дѣти Солнца на свободѣ летаютъ по вселенной, и потому легко можешь представить себѣ, какъ имъ весело было сидѣть теперь въ темномъ ледяномъ ущельѣ.

У Фламинга отъ гнѣва вылетали искры, а маленькая Дагмара плакала такими горячими слезами, что ледъ наконецъ началъ таять. Но великанъ Фимбулъ посмѣивался себѣ въ бороду, какъ это обыкновенно дѣлаютъ всѣ великаны: это у нихъ служить признакомъ хорошаго тона.

Но тутъ неожиданно случилось нѣчто такое, чего великанъ Фимбулъ вовсе не предвидѣлъ. Отъ искръ Фламинга разрушились ледяныя стѣны ущелья, а горячія слезы Дагмары превратили ледяную гору въ озеро. Дѣти солнца, освободившись изъ своей темницы, вскочили на Вѣтеръ и Лучъ и помчались обратно въ царство Свѣта.

При этой вѣсти великанъ Фимбулъ такъ сильно разгнѣвался, что отъ волненія лишился половины бороды.

Тогда-то изъ-за этихъ дѣтей и возникла страшная война между царемъ тепла и свѣта—Солнцемъ и царемъ зимы—великаномъ Фимбуломъ. Война эта велась на землѣ и потому земля ужасно опустошалась съ обѣихъ сторонъ, то лѣтними жарами, то зимними морозами. Всѣ силы природы, казалось, возмутились: громадные горы растрескивались, а на могучихъ океанахъ бури были до того сильны, что вода стала выходить изъ береговъ. Точь въ точь такую же бурю дѣлаетъ ребенокъ, когда, сидя въ своей маленькой ваннѣ, черезъ край расплескиваетъ воду.

Но Фламингъ и Дагмара полюбили дѣтей земли, съ которыми такъ часто играли, и имъ стало жалко, что дѣти страдаютъ отъ этой войны. Они упросили отца своего, царя Свѣта, заключить миръ съ великаномъ Фимбуломъ. Хотя настоящій миръ и не былъ заключенъ, но царь Свѣта и великанъ Фимбулъ условились два раза въ годъ дѣлать перемиріе: три дня осенью и три дня весной. Въ теченіе же остального времени года они хотя и продолжали воевать, но не производили уже какъ прежде на землѣ такихъ опустошеній, при которыхъ дѣтямъ нельзя было жить.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ бываетъ весеннее равноденствіе—это первое перемиріе, а въ Сентябрѣ—осеннее—второе. Тогда ни зима, ни лѣто, ни весна, ни осень, а между-время такъ сказать. День и ночь одинаково длинны, холодъ и тепло какъ будто прыгаютъ на одной доскѣ, и доска стоитъ ровно. Но въ Мартѣ Фламингъ и Дагмара сѣдлаютъ своихъ лошадокъ, чтобы ѣхать играть съ дѣтьми земли, а въ Сентябрѣ они поятъ лошадокъ проливными дождями, чтобы у нихъ хватило силы и бодрости на обратный путь. Въ это время Фимбуль рычитъ отъ гнѣва, потому что терпѣть не можетъ перемирія, и рычаніе его часто слышится въ завываніи осенней бури. Но Фламингъ и Дагмара посылаютъ землѣ воздушные поцѣлуи и привѣтливо киваютъ дѣтямъ: мы опять воротимся, мы опять воротимся!—Да, возвращайся, прекрасный свѣтъ, возвращайся, пріятное тепло! Вы, желанные, дорогіе гости въ царствѣ Фимбула.

Коньковѣецъ.

чень полезно и похвально сидѣть у себя въ комнатѣ за книгой и не бросать ея до тѣхъ поръ, пока уроки не готовы къ завтрашнему дню. Если же урокъ не идетъ въ голову, то весело хлопни книжкой по лбу и принимайся снова. Будь при этомъ неустойчивъ какъ лошадь въ упряжкѣ и не унывай, а гляди веселѣй и только подумай про себя: вѣдь выучиваютъ же это другіе, почему же и мнѣ не выучить! И какъ только ты такъ здраво размыслишь да поприлежнѣ возьмешься за дѣло, то увидишь, что оно непременно пойдетъ на ладъ. И жалокъ тотъ, кто, повѣся носъ, начнетъ хныкать: „никогда не выучить мнѣ этого!“

А въ свободное время, когда уроки готовы, не сиди дома, не будь нѣженкой, который на просторѣ подъ открытымъ небомъ не переноситъ дуновенія вольнаго, здороваго вѣтра. Не сиди тогда дома, бѣгай по горамъ и холмамъ, лѣтомъ и зимою, въ жаръ и холодъ,—все равно; зимою же не бойся, что носъ покраснѣетъ. Если забнутъ руки, то не хлопочи много о рукавицахъ и не грѣйся передъ печкой, а размахивай руками, какъ бумажный полишинель, да три сильнѣе одну объ другую, какъ въ Робинзонѣ дикіе трутъ два куска дерева, чтобы добыть огня. Бѣгай по снѣгу, носись во весь духъ на своихъ конькахъ по льду, и если вернешься съ мокрыми сапогами, да мама за это побранитъ тебя, то поцѣлуй у ней руку и скажи: прости, мама; вѣдь отъ этого твой мальчикъ будетъ здоровъ и силенъ.

Но когда люди постарше и поумнѣе тебя скажутъ: не ходи туда,—ледъ не крѣпокъ!—то слушайся ихъ совѣта и оставайся на берегу. Надо быть смѣлымъ и рѣшительнымъ въ виду опасности и особенно, когда этимъ можно сдѣлать что-нибудь хорошее, но рисковать жизнью безъ необходимости и не умно, и не дѣлаетъ человѣку чести.

Францъ и Матвѣй,—такъ звали двухъ братьевъ,—

были оба прилежные мальчики. Въ школѣ между ними не было никакой разницы, — оба учились отлично; но дома эти два молодца были совсѣмъ различнаго нрава. Францъ сидѣлъ всегда дома и въ свободное отъ уроковъ время вырѣзывалъ изъ бумаги куколъ или писалъ пьесы для кукольнаго театра. Матвѣй же, кончивъ урокъ, бродилъ внѣ дома, весной ловилъ птицъ, лѣтомъ удилъ окуней, а зимою строилъ изъ снѣгу крѣпости. Отъ этого Францъ дѣлался худымъ, блѣднымъ и слабымъ, а Матвѣй съ каждымъ годомъ становился шире въ плечахъ и сильнѣе. Когда у куколъ Франца происходила большая битва—между датчанами и нѣмцами, между христіанами и язычниками,—Матвѣй часто говаривалъ: да не сиди же постоянно дома, пойдемъ съ нами осаждать снѣжную крѣпость! Ты увидишь, какъ мы смѣло и ловко дѣлаемъ это, и хотя намъ на встрѣчу со свистомъ летятъ снѣжныя пули, намъ все-таки очень весело.

Но Францъ не хотѣлъ идти съ нимъ, а всегда говорилъ: „лучше быть умнымъ, чѣмъ сильнымъ.“ „Да,—положимъ,—отвѣчалъ Матвѣй,—но еще лучше быть и умнымъ, и сильнымъ“.

Случилось такъ, что за недѣлю до Рождества, когда у мальчиковъ кончились классы, подморозило на-

столько, что образовался великолѣпный катокъ.—Пойдемъ теперь съ нами,—сказалъ Матвѣй.

— Ступай самъ, — отвѣчалъ Францъ, — я лучше останусь дома и буду вырѣзывать китайскія тѣни.

Матвѣй ушелъ одинъ, захвативъ съ собою коньки. Ледъ былъ самый прекрасный, какого только можно было желать. Озеро походило на зеркало, и на немъ вовсе не было снѣгу. Кругомъ вдоль береговъ стояли зеленые ели, отражаясь въ блестящей поверхности льда, а рядомъ съ ними безлистые березы, покрытыя инею. Во всей природѣ было что-то свѣжее и радостное.

Въ это время около двадцати мальчиковъ собралось на льду, а съ ними и нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ. Нѣкоторые мальчики посадили передъ собой на санки дѣвочекъ и катали ихъ, между тѣмъ какъ другіе стрѣлой носились по льду на конькахъ. Матвѣй подвязалъ ремешками коньки и какъ перелетный вѣтеръ понесся по блестящему, какъ зеркало, льду. Никакая рысистая лошадь не поспѣла бы за нимъ, а также и никто изъ мальчиковъ. Самые лучшіе конькобѣжцы сговорились между собой поймать Матвѣя и объявили, что тотъ, кто поймастъ его, будетъ считаться королемъ катка, а завтра генераломъ снѣжной крѣпости. И съ командою: разъ, два, три, всѣ во весь духъ бро-

сились ловить Матвѣя. Но поймать его никому не удалось. Казалось, вотъ-вотъ они уже хватаютъ его, какъ онъ, увернувшись, опять оставлялъ ихъ далеко за собою и, поддразнивая ихъ, выводилъ коньками на льду круги и красивые узоры. Когда же они уставали, онъ подъѣзжалъ къ нимъ спиною совсѣмъ близко или равнялся съ ними, и какъ только его хотѣли схватить за куртку—опять въ одинъ мигъ былъ отъ нихъ далеко.

— Браво, браво!—кричали маленькія дѣвочки, хлопая въ ладоши своими озябшими ручонками. Браво, браво! повторяло эхо съ голыхъ береговъ, съ сѣдыхъ горъ, съ блестящаго льда, съ зеленыхъ елей. Какъ отрадно и весело птицей носиться въ морозный зимній день и подобно солнечному лучу скользить по блестящему какъ зеркало льду.

Вотъ мальчики добѣжали до пролива, который соединялъ одно большое озеро съ другимъ. Тутъ на берегу крестьянинъ рубилъ дрова.—Берегитесь, дѣти,—кричалъ онъ имъ,—тутъ быстрина и въ этомъ мѣстѣ ледъ не крѣпокъ.

Матвѣй тотчасъ остановился и сказалъ:—стой, братцы, дальше не пойдемъ; вѣдь старикъ знаетъ, что говорить!

Въ отвѣтъ на эти слова самые своевольные шалуны начали кричать съ насмѣшкой:—Матвѣй боится, Матвѣй трусь, и потому слушаетъ болтовню глупаго старика.

Это раздосадовало Матвѣя. „Не пойти ли?“ подумалъ онъ. „Нѣтъ, не пойду, вѣдь пользы отъ этого никому не будетъ.“ Въ эту минуту ледъ посреди пролива затрещалъ и самый дерзкій мальчуганъ, который обозвалъ Матвѣя трусомъ, провалился и началъ отчаянно звать на помощь. Другіе, которые были ближе къ нему, въ свою очередь страшно испугались и убѣждали, оставивъ товарища одного въ бѣдѣ. Что же сдѣлалъ Матвѣй, котораго только-что обозвали трусомъ? Онъ забылъ о собственной опасности, забылъ о насмѣшкахъ товарища и въ одинъ мигъ очутился на берегу, вытащилъ тамъ изъ изгороди жердь и съ нею бросился обратно къ проливу.—Хватайся за жердь,—крикнулъ онъ мальчику, лежа съ грудью на ледѣ.

Товарищъ въ своей страшной бѣдѣ отчаянно схватился за жердь и чуть было не увлекъ его за собою, но Матвѣй крѣпко держалъ другой конецъ и, врѣзавшись коньками въ ледъ, съ трудомъ удерживалъ и себя и жердь до тѣхъ поръ, пока мальчикъ наконецъ не выкарабкался на ледъ. При видѣ этого всѣ това-

рищи были чрезвычайно обрадованы и теперь никто уже не посмѣлъ называть Матвѣя трусомъ. Съ триумфомъ всеѣ отправились съ измокшимъ товарищемъ домой.

Воротившись домой, Матвѣй ни слова не сказалъ о своемъ смѣломъ поступкѣ.

— Поди-ка, — сказалъ ему Францъ, — я покажу тебѣ прекрасную китайскую тѣнь! Вотъ озеро, на которомъ мальчишки катаются на конькахъ. Гляди, вотъ одинъ изъ нихъ проваливается... вотъ онъ почти тонетъ, а вотъ идетъ храбрый рыцарь и вытаскиваетъ его съ опасностью жизни изъ воды. Видишь, что я могу сдѣлать съ китайскою тѣнью, а *ты* что можешь?

Матвѣй улыбнулся и очень спокойно сказалъ:

— Ну, я думаю, это всякій сдѣлалъ бы на мѣстѣ рыцаря.

— Ты думаешь? — замѣтилъ Францъ. — Нѣтъ, такихъ храбрыхъ рыцарей теперь нѣтъ. Видишь ли, обо всемъ этомъ я читалъ въ книгахъ, и это лучше, чѣмъ бѣгать, какъ ты, по горамъ и холмамъ.

Матвѣй молчалъ. Но спасенный имъ изъ воды товарищъ въ смущеніи стоялъ въ дверяхъ и слышалъ рассказъ о геройскомъ подвигѣ тѣни; слезы подступили ему къ горлу, и онъ не могъ больше молчать.

— Францъ, — сказалъ онъ, — то, что ты вообразилъ себѣ въ китайской тѣни, Матвѣй сдѣлалъ на настоящемъ озерѣ и при дѣйствительной опасности. Мы его называли трусомъ, но теперь мы всё знаемъ, что истинная храбрость состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы ради забавы рисковать жизнью, а въ томъ, чтобы рисковать ею тогда, когда кто-нибудь находится въ дѣйствительной опасности.

— А я-то хвастался передъ тобой своими китайскими тѣнями! — возразилъ Францъ съ изумленіемъ и радостью. — Да, теперь я понимаю: хорошо быть умнымъ въ своей комнатѣ, но еще лучше быть умнымъ и сильнымъ и дома, и вездѣ.

БЕРЕЗА И ЗВѢЗДОЧКА.

Знаю одну сказку изъ былого времени о мальчикѣ и дѣвочкѣ, которые въ своей жизни шли неуклонно къ одной цѣли. А много ли изъ насъ найдется такихъ, которые могутъ сказать о себѣ то же самое?

Полтора ста лѣтъ тому назадъ въ Финляндіи было страшное бѣдствіе. Война свирѣпствовала во всей странѣ, города и деревни горѣли, жатвы были уничтожены и болѣе ста тысячъ людей погибло отъ меча, голода, изгнанія и страшныхъ болѣзней. Тогда кромѣ вздоховъ и слезъ, воплей, пожарищъ и крови, ничего не видно и не слышно было, и тѣ, которые на что-нибудь еще надѣялись, убѣдились наконецъ, что надежды

на спасеніе болѣе не оставалось, потому что бичъ Божій преслѣдовалъ страну страшными бѣдствіями, которыя никогда не изгладятся изъ народной памяти. Во время этого бѣдствія многіе спасались бѣгствомъ, нѣкоторые попадали въ плѣнъ, другіе убѣгали въ лѣса и пустыни или переселялись въ Швецію. Случалось, что жена не знала, гдѣ находится мужъ, братъ терялъ сестру, отецъ и мать своихъ дѣтей, и никто изъ нихъ не зналъ, были-ли его родные живы или нѣтъ. Поэтому, когда, наконецъ, насталъ миръ и нѣкоторые оставшіеся въ живыхъ возвратились къ своимъ, то оказалось, что каждый искалъ кого-нибудь и, не находя, оплакивалъ.—Въ сказкѣ „Рыцарь Синяя борода“ говорится, что молодая жена одного рыцаря посылала свою сестру на башню, откуда можно было далеко видѣть всю окрестность, и постоянно спрашивала: „сестрица Анна, не видишь ли ты, не идетъ ли кто по дорогѣ?“ Такъ точно и тогда многіе, при видѣ своихъ пустыхъ хижинъ, покинутыхъ близкими сердцу людьми, съ тоской спрашивали другъ-друга: „Не видать-ли, не идетъ-ли кто? Неужели еще никто не идетъ?“ и чаще всего получали отвѣтъ: „никого не видать!“ Но бывало иногда такъ же, какъ и въ сказкѣ „Синяя борода“, что вдали по дорогѣ показывалось облако пыли, изъ кото-

раго потомъ выдѣлялась кучка бѣглецовъ, которые искали своихъ... Тутъ отцы и матери искали своихъ дѣтей, и если, наконецъ, послѣ долгаго времени находили, то радости не было конца, а горя какъ не бывало, и снова быстро какъ изъ земли выростали хижины, поля опять покрывались жатвой и новое лучшее время наступало послѣ минувшихъ бѣдствій.

Во время этой долгой войны въ числѣ другихъ были уведены далеко въ чужую землю двое маленькихъ дѣтей, мальчикъ и дѣвочка. Тамъ они попали въ хорошія руки. Проходили годы и дѣти росли, не зная никакой нужды. Но не смотря на окружавшее ихъ довольство, они не могли забыть отца, мать и родину. Они испытывали то же самое, что испытывали плѣнные евреи въ Вавилонѣ, которые, повѣсивъ на деревья свои гусли, не могли ни играть, ни пѣть, ни плясать въ чужой странѣ, потому что сердцемъ своимъ постоянно были въ Іерусалимѣ.

Когда, наконецъ, дошелъ слухъ, что въ Финляндіи насталъ миръ и что всѣ, кто хочетъ, могутъ возвратиться на родину, то и дѣтямъ стало тяжело оставаться въ чужой землѣ, и они стали просить, чтобы ихъ отпустили домой.

Чужіе люди, пріютившіе ихъ, улыбнулись и ска-

зали:—Хотите домой? Безразсудныя дѣти, да знаете ли вы, какъ далеко вамъ идти? Вѣдь больше ста миль!

— Это намъ все равно,—отвѣчали дѣти,—только бы намъ попасть домой.

— Но развѣ вы не дома у насъ, на своей новой родинѣ? Здѣсь у васъ есть и одежда, и изобильная пища, вы кушаете хорошіе фрукты, пьете молоко, носите теплую одежду, имѣете удобное жилище и добрыхъ людей, которые любятъ васъ всѣмъ сердцемъ. Чего же вамъ еще надо?

— Да, все это такъ,—сказали дѣти.—Но мы хотимъ вернуться домой.

— На вашей родинѣ страшная нужда во всемъ. Тамъ вы будете жить въ бѣдности; будете спать на мху, вмѣсто хлѣба придется вамъ ѣсть древесную кору, жить въ шалашѣ, покрытомъ ельникомъ, гдѣ буря и холодъ будутъ вашими постоянными собесѣдниками. Ваши родители, братья, сестры и всѣ ваши друзья давно умерли; вы станете искать ихъ слѣды и вмѣсто нихъ встрѣтите только слѣды волковъ, которые пробѣгали по снѣжнымъ сугробамъ пустыннаго мѣста, гдѣ когда-то стояла ваша хижина.

— Да,—отвѣчали дѣти,—но мы все-таки хотимъ вернуться домой.

— Но вѣдь десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ васъ увели оттуда. Тогда вы были еще маленькими, неразумными дѣтьми—братъ пяти, а сестра четырехъ лѣтъ. Теперь вамъ пятнадцать и четырнадцать лѣтъ и вы еще мало знаете свѣтъ. Вы все забыли, и дорогу туда, и самихъ родителей вашихъ, а точно также и они позабыли васъ.

— Да, но мы все-таки хотимъ вернуться домой,—отвѣтили дѣти.

— Кто же покажетъ вамъ туда дорогу?

— Богъ,—отвѣчалъ мальчикъ,—и кромѣ того я помню, что на дворѣ моихъ родителей стоитъ большая береза, на которой по утрамъ распѣваетъ много хорошенькихъ птичекъ.

— А я припоминаю, — добавила дѣвочка,—что по вечерамъ сквозь листья этой березы сіяетъ свѣтлая звѣздочка.

— Безразсудныя дѣти,—возразили добрые люди,—ваше желаніе безумно и только погубить васъ.—И они запретили дѣтямъ даже думать объ этомъ. Но чѣмъ больше имъ запрещали, тѣмъ чаще дѣти задумывались о томъ, какъ бы вернуться домой, и это вовсе не отъ непослушанія, а просто потому, что мысль эта все чаще стала приходить имъ въ голову. Наконецъ, въ

одну лунную ночь, когда мальчикъ отъ думы своей не могъ сомкнуть глазъ, онъ позвалъ сестру:

— Ты спишь?

— Нѣтъ,—сказала она,—мнѣ не спится, я думаю о нашей родинѣ.

— Я тоже,—добавилъ мальчикъ.—Давай встанемъ, свяжемъ свои платья въ узелокъ, да уйдемъ отсюда. Мнѣ кажется, точно Богъ постоянно говоритъ въ моемъ сердцѣ: иди домой! иди домой! А вѣдь то, что говоритъ Богъ, не можетъ быть грѣшно.

— Да, пойдёмъ,—согласилась дѣвочка, и они тихонько вышли.

Ночь была прекрасная и луна ясно освѣщала имъ дороги и тропинки. Молча шли они нѣсколько времени.

— Знаешь ли что, братецъ,—сказала дѣвочка,—я боюсь, что мы не найдемъ дороги домой.

— Мы будемъ все идти на сѣверо-западъ, гдѣ по вечерамъ среди лѣта заходитъ солнце, а домъ нашъ находится въ той же сторонѣ; кромѣ того у насъ еще есть примѣта: когда мы увидимъ на дворѣ березу, между листьями которой блеститъ свѣтлая звѣздочка, тогда мы и узнаемъ свой домъ.

Спустя нѣсколько времени сестра опять сказала:

— Знаешь ли, братецъ, я ужасно боюсь, какъ бы

дикіе звѣри и разбойники не сдѣлали намъ чего худого.

— Богъ защититъ насъ, — отвѣтилъ мальчикъ. — Помнишь ли ты еще молитву, которую мы учили дома, когда были маленькими:

Гдѣ бы въ свѣтѣ я ни находился,
Вездѣ судьба моя въ Божьихъ рукахъ.

— Да, — сказала дѣвочка, — и Богъ пошлетъ своихъ ангеловъ, которые будутъ охранять насъ въ чужой странѣ.

Итакъ, они бодро и смѣло продолжали идти впередъ. Мальчикъ вырѣзалъ себѣ надежную палку изъ молодого дубка, чтобы въ случаѣ нужды защитить себя и сестру. Но съ ними ничего дурного не случилось.

Черезъ нѣсколько дней они пришли къ перепутью, гдѣ двѣ дороги расходились въ разныя стороны. Тутъ они остановились, не зная, по которой дорогѣ идти. Въ это время по дорогѣ на лѣво запѣли двѣ маленькія птички.

— Пойдемъ, — сказалъ братъ, — вотъ настоящая дорога, я узнаю это по щебетанью птицъ.

— Да, — замѣтила сестра, — вѣрно Божіи ангелы приняли на себя образъ птичекъ, чтобы указать намъ путь домой.

И они пошли по той дорогѣ, между тѣмъ какъ птички стали впереди ихъ перелетать съ вѣтки на вѣтку и какъ-бы показывать имъ дорогу. Дѣти шли за ними, не теряя ихъ изъ виду. Питались они лѣсными плодами и ягодами, пили чистую воду изъ источниковъ, а ночью спали на мягкомъ мху. Ихъ очень удивляло, что гдѣ бы они ни остановились днемъ, вездѣ находили пищу, а вечеромъ, всегда попадалось мѣсто, гдѣ они могли отдохнуть. Этого они никакъ не могли объяснить себѣ, но всякій разъ при видѣ птичекъ восклицали:—Смотри, это Божіи ангелы провожаютъ насъ!—Такимъ образомъ они продолжали идти все впередъ.

Наконецъ дѣвочка начала уставать.

— Когда же мы начнемъ искать нашу березу? — спросила она брата.

— Не раньше пока услышимъ кругомъ себя людей, которые говорятъ на томъ языкѣ, на которомъ говорили наши родители, — отвѣтилъ братъ. И опять они продолжали идти впередъ на сѣверо-западъ; лѣто начинало уже приходить къ концу и въ лѣсу становилось прохладно. Не видать ли нашей березы? — спросила дѣвочка.

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ мальчикъ.

Мѣстность, по которой они шли, стала принимать другой видъ. Сначала они шли по обширнымъ равнинамъ, а теперь имъ стали встрѣчаться холмы, горы, рѣки и большія озера.

— Какъ же перейдемъ мы черезъ эти крутыя горы?—спросила дѣвочка.

— Я перенесу тебя,—отвѣтилъ мальчикъ. И онъ переносилъ ее черезъ горы.

— Какъ мы переберемся черезъ эти быстрыя рѣки и большія озера?—опять спросила дѣвочка.

— Мы перейдемъ на лодкѣ,—отвѣчалъ мальчикъ. И онъ перевозилъ ее черезъ рѣки и озера, потому что, къ какой бы рѣкѣ они ни подошли, вездѣ у берега находилась лодка, какъ будто нарочно приготовленная для нихъ. Но черезъ нѣкоторыя рѣки братъ и сестра пу-скались вплавъ, и переплывали ихъ легко, потому что рядомъ съ ними летѣли Божьи ангелы въ образѣ птичекъ и какъ бы помогали имъ.

Случилось однажды, что они шли не отдыхая съ утра до вечера и потому сильно устали. Къ вечеру они подошли къ одинокому двору, гдѣ на мѣстѣ сгорѣвшаго дома стояла хижина, недавно срубленная изъ грубо отесанныхъ бревенъ. На дворѣ ребенокъ чистилъ рѣпу.

— Не дашь ли ты намъ одну рѣпку? — спросилъ мальчикъ.

— Да, войдите въ хижину, — сказалъ ребенокъ, — мама дастъ вамъ покушать.

При этихъ словахъ, мальчикъ громко захлопалъ въ ладони, обнялъ малютку, началъ цѣловать его и заплакалъ отъ радости.

— Чему ты такъ обрадовался, братъ? — спросила дѣвочка.

— Какъ же не радоваться? — отвѣтилъ мальчикъ. — Вѣдь это дитя говоритъ языкомъ нашего отца и матери. Теперь мы начнемъ искать нашу березу и звѣздочку.

Затѣмъ они вошли въ хижину и были радушно приняты хозяевами, которые спросили ихъ, откуда они идутъ.

— Мы возвращаемся изъ чужой страны и ищемъ свой родной домъ; но у насъ нѣтъ никакой другой примѣты, кромѣ той, что на нашемъ дворѣ стоитъ большая береза, на которой по утрамъ распѣваютъ птички, а по вечерамъ сквозь листья мелькаетъ свѣтлая звѣздочка.

— Бѣдныя дѣти! — съ состраданіемъ сказали добрые люди. — На землѣ растутъ тысячи большихъ березъ, а на небѣ сіяютъ тысячи звѣздъ. Возможно ли, чтобы

между этими тысячами березъ и звѣздъ вы нашли тѣ, которыхъ ищите?

— Богъ проводитъ насъ,—въ одинъ голосъ отвѣтили мальчикъ и дѣвочка.—Не его ли ангелы провожали насъ во время нашего далекаго, далекаго пути изъ чужой страны къ нашей родинѣ. Вѣдь мы уже на полдорогѣ отъ своего дома.

— Финляндія велика,—говорили люди въ хижинѣ, покачивая головой.

— Но Богъ все-таки больше,—возразилъ мальчикъ, и, поблагодаривъ хозяевъ, они пошли дальше.

Теперь на пути имъ уже не приходилось питаться лѣсными ягодами и почевать въ лѣсахъ. Они шли отъ одного жилья къ другому, и, хотя обширные пустыри лежали между человѣческими жилищами и вездѣ замѣтна была сильная бѣдность, они все-таки вездѣ находили себѣ пристанище и пищу, которую имъ изъ состраданія давали добрые люди. Но березы и звѣздочки они все еще не находили. Они шли отъ одного двора до другого и искали ихъ, и много видѣли березъ и звѣздъ, но все это были не тѣ, которыхъ они искали.

— Ахъ,—вздыхнула дѣвочка,—Финляндія такъ велика, а мы еще такъ малы! Никогда не найдемъ мы своего родного дома!

Но мальчикъ съ упрекомъ замѣтилъ ей:—Вѣруешь ли ты въ Бога?

— Да,—отвѣтила дѣвочка.

— Ну, такъ ты знаешь, что случались чудеса гораздо больше этого. Когда пастухи ночью шли въ Виолеемъ, то звѣздочка указывала имъ путь. Такъ и теперь, если только мы будемъ вѣровать, она доведетъ насъ до дому.

— Да, да,—сказала дѣвочка, которая обыкновенно во всемъ соглашалась съ братомъ. Итакъ, полные надеждъ, шли они дальше.

Такъ прошелъ уже годъ съ тѣхъ поръ, какъ они отправились въ путь.

Наконецъ они однажды вечеромъ подошли къ одинокому двору. Это было въ концѣ Мая, наканунѣ Троицына дня, когда на деревьяхъ начинаютъ распускаться первые листья.

Когда они вошли въ изгородь, окружающую дворъ, то увидѣли посреди двора большую березу съ густой вершиной изъ молодой листвы, сквозь свѣтлую зелень которой сіяла блестящая вечерняя звѣзда. Ночи были уже настолько свѣтлы, что только одна эта звѣздочка и виднѣлась на небѣ, потому что она была самая большая и ясная между всѣми другими.

— Это наша береза,—воскликнулъ мальчикъ.

— Это наша звѣздочка,—добавила дѣвочка.

И они бросились обнимать другъ друга и со слезами радости благодарили Бога.

— Вотъ конюшня, куда отецъ водилъ лошадей,—сказалъ, какъ бы припоминая что-то, мальчикъ.

— А я узнаю этотъ колодезь, откуда мать наша поила коровъ,—продолжала дѣвочка.

— Смотри, тамъ подъ березой стоятъ два маленькихъ креста? Что бы это значило,—проговорилъ мальчикъ.

— Я очень боюсь войти въ хижину,—сказала дѣвочка,—что, если нашего отца и матери нѣтъ больше въ живыхъ, или они не узнаютъ насъ! Войди ты впередъ, братецъ.

— Послушаемъ сначала у дверей,—сказалъ мальчикъ съ сильно бьющимся сердцемъ.

Въ хижинѣ сидѣлъ пожилой человѣкъ со своей женой, но видно было, что не года, а горе и нужда прежде времени состарили ихъ.

— Да, вотъ и Троицынъ день наступаетъ,—говорилъ мужъ женѣ:—день, въ который Господь ниспосылаетъ утѣшеніе скорбящимъ, а намъ не откуда ждать утѣшенія! Всѣхъ нашихъ четырехъ дѣтей не стало; двое покоятся подъ березой, двое другихъ уве-

дены въ непріятельскую землю и вѣрно имъ уже никогда не вернуться къ намъ. Какъ тяжело оставаться на старости лѣтъ одинокими.

— Богъ всемогущъ и милостивъ,—отвѣтила жена.— Онъ вывелъ израильтянъ изъ плѣна; Онъ же можетъ и возвратить намъ нашихъ дѣтей, если найдетъ это для насъ полезнымъ.—А сколько бы лѣтъ было нашимъ старшимъ дѣтямъ, если бы они были живы?

— Мальчику было бы теперь шестнадцать, а дѣвочкѣ пятнадцать лѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Ахъ, недостойны мы такого божьяго благословенія, чтобы когда-нибудь увидать своихъ дорогихъ дѣтей.

При этихъ словахъ дверь отворилась и въ хижину вошли мальчикъ и дѣвочка. Они сказали, что идутъ издалека, и просили дать имъ кусокъ хлѣба.

— Подойдите ближе, дѣти,—сказалъ отецъ,—и переночуйте у насъ! Ахъ, такія были бы теперь и наши старшія дѣти.

— Посмотри,—сказала жена:—какія славныя дѣтки. Ахъ, такія были бы и наши, если бы были живы и были съ нами.

И при этомъ бѣдные родители горько заплакали. Тогда дѣти не въ силахъ были болѣе таиться. Со слезами бросились они въ объятія отца и матери и вос-

кликнули: — развѣ вы насъ не узнаете? Вѣдь мы ваши дорогія дѣти, которыхъ Господь чудеснымъ образомъ возвратилъ вамъ изъ чужой земли.

И родители съ безграничной любовью обняли дѣтей, упали съ ними на колѣни и стали благодарить Бога за то, что Онъ къ самой Троицѣ послалъ имъ такое большое утѣшеніе.

Затѣмъ дѣти должны были рассказать имъ обо всемъ, что они пережили съ тѣхъ поръ, какъ были уведены въ плѣнъ, а родители съ своей стороны сообщили имъ, какъ они прожили все это время, и хотя имъ всеѣмъ пришлось испытать очень много горя, но теперь, казалось, оно было совершенно забыто и превратилось въ радость. Отецъ съ удовольствіемъ разсматривалъ сильныя мускулистыя руки сына, а мать любовалась темными волосами дочери и въ сотый разъ принималась цѣловать ея румяныя щеки.

— Да,—сказала мать съ дѣтской радостью,— мнѣ такъ и казалось, что должно было что-нибудь случиться, когда сегодня двѣ чужія птички такъ весело запѣли на нашей березѣ.

— Я знаю этихъ двухъ птичекъ,—сказала дѣвочка.— Это два ангела въ видѣ птичекъ, которые всю дорогу летѣли впереди насъ и указывали намъ путь.

Теперь они радуются вмѣстѣ съ нами, что мы нашли свой домъ.

— Пойдемъ повидать березу и звѣздочку, — сказалъ мальчикъ. — Посмотри, сестрица, подъ нею почиваютъ наши маленькіе братъ и сестра. А если бы это мы спали подъ этимъ, зеленымъ холмикомъ, а нашъ братъ съ сестрой стояли бы на нашемъ мѣстѣ и смотрѣли на нашу могилку, каковы бы мы были тогда?

— Конечно, вы были бы тогда Божіи ангелы на небесахъ, — нѣжно отвѣчала мать.

— А, теперь я знаю, — сказала дѣвочка, — что ангелы въ видѣ птичекъ, которые указывали намъ дорогу сюда и сегодня предсказали о нашемъ возвращеніи, были наши маленькіе братъ и сестра, которые спятъ въ этой могилкѣ. Это они постоянно твердили нашему сердцу: ступайте домой, ступайте домой утѣшать отца и мать. Это они въ пустынѣ указывали намъ дорогу, чтобы мы не голодали; они приготовляли намъ постель изъ мягкаго моху, чтобы мы не замерзли, и готовили намъ лодки на берегахъ рѣкъ и озеръ, чтобы мы не потонули. И они же указали намъ эту березу и звѣздочку между многими тысячами другихъ. — И это потому, что Богъ избралъ и послалъ ихъ намъ для

нашей защиты. Благодаримъ васъ за это! Благодаримъ милосердаго Бога!

— Это правда,—сказалъ мальчикъ,—посмотри, какъ сквозь листву березы ярко сіяетъ въ небесахъ звѣздочка! Теперь мы нашли свой домъ, теперь, сестра, мы уже не пойдемъ дальше!

— Милыя дѣти,—сказалъ отецъ,—жизнь человѣка на землѣ есть постоянное странствованіе къ вѣчной цѣли. Идите же всегда впередъ, не забывайте Бога и стремитесь всегда къ вѣчной цѣли. Вы шли съ ангелами-путеводителями неуклонно впередъ, пускай же они показываютъ вамъ путь и дальше въ вашей жизни. Вы стремились къ березѣ, которая означала вашу родину,—пускай же она будетъ символомъ вашей любви къ родинѣ пока вы живете! Вы стремились къ звѣздочкѣ,—она означаетъ вѣчную жизнь. Да будетъ она всю жизнь ярко свѣтить вамъ.

— Аминь! да будетъ такъ,—сказали мать и дѣти, сложивъ руки къ молитвѣ.

